

ИЗОБРЕТЕНИЕ ИМПЕРИИ:
ЯЗЫКИ И ПРАКТИКИ

**Коллектив авторов
Марина Могильнер
Александр Семенов
Илья Герасимов**

**Изобретение империи:
языки и практики**

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3092085

*Изобретение империи: языки и практики: Новое издательство; М.,
2011*

ISBN 978-5-98379-152-7

Аннотация

Изучая различные эпохи российской истории, авторы сборника «Изобретение империи: языки и практики» пытаются ответить на одни и те же вопросы: каким образом, при помощи какого аналитического языка описывалось пространство империи ее современниками? Где находится империя, когда никто ее «не видит»? Что толку в «объективной» реконструкции структурных отношений господства и подчинения или политики территориальной экспансии, если те же самые структуры и такого же рода политику можно найти в любой другой форме политического устройства и во все эпохи?

Содержание

Введение. Возможен ли конструктивистский подход к истории империи?	4
Александр Филюшкин	9
Екатерина Болтунова	68
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Коллектив авторов Изобретение империи: языки и практики

Введение. Возможен ли конструктивистский подход к истории империи?

Предлагаемый вниманию читателей сборник продолжает серию тематических антологий, подготовленных по материалам публикаций в журнале *Ab Imperio* за 2000–2010 годы. Первая антология «Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма» включала наиболее актуальные работы современных теоретиков имперской проблематики и национализма. Второй сборник («Империя и нация в зеркале исторической памяти») был посвящен иному уровню современного обращения с прошлым: формированию коллективной «исторической памяти» в обществе при непосредственном участии профессиональных историков, идеологов и политиков. В отличие от предыдущих выпусков серии авторы материалов третьего сборника обращаются к попыткам воображения и осмысления феномена империи не в наши дни,

а в прошлом. Изучая различные эпохи российской истории (с XVI по начало XX века), они пытаются ответить на один и тот же вопрос: каким образом, при помощи какого аналитического языка описывалось пространство империи ее современниками?

Вопрос этот не так однозначен, как может показаться на первый взгляд. С одной стороны, как и любой другой объект, империя не видна «изнутри»: большая часть теоретических моделей «империи» возникает накануне или после ее распада, с позиции «извне». Подобно господину Журдену, который не задумывался о том, что он разговаривает «прозой», большинству обитателей империи не приходится размышлять о специфике окружающего их общества как империи: достаточно знать, что во главе страны стоит император и страна их официально зовется империей. С другой стороны, чтобы осознать эту «невидимость» и несамоочевидность империи как исследовательскую проблему, современные историки должны отдавать себе отчет в том, что имеют дело не с реальной «вещью», а с контекстуально обусловленным конструктом. Где находится империя, когда ее никто не видит? Что толку в «объективной» реконструкции структурных отношений господства и подчинения или политики территориальной экспансии, если те же самые структуры и политику можно найти в любой другой форме политического устройства – во все эпохи?

Парадоксальным образом, торжество конструктивистско-

го подхода в изучении нации и национализма (приведшее к «денатурализации» нации и национального государства) не сопровождалось параллельной деконструкцией понятия «империя». Существует реальная опасность, что империя может занять ставшее вакантным место основополагающего элемента исторического процесса (в котором «национальный» период занимает всего лишь несколько веков). Стремление к универсальному определению империи в сочетании с расхожей идиомой имперского архаизма способствует ее эссенциализации. Как нигде отчетливо эта тенденция проявляется в исторических исследованиях «периферийных империй», когда нарратив отсталости и инаковости переплетается с негативными или позитивными оценками «имперского предназначения» или «имперского проклятия». От восприятия империи как объективно существующей политической формы, развивающейся по особым законам, один лишь шаг до представлений о реальности «судьбы империи» или «имперской миссии». Вот почему плохая историческая наука (некритичная и архаичная по методам) идет рука об руку с плохой политикой (ультраконсервативной, холистской по мировоззрению и негуманной по целям).

Публикуемые в этом выпуске антологии *Ab Imperio* статьи объединены общим фокусом: авторов интересует, каким образом в разные эпохи, разные исторические акторы пытались выработать язык для описания специфики имперского правления. Точнее сказать, вплоть до начала XX ве-

ка речь шла о том, как приспособить существующие или доступные языки к описанию не предусмотренных ими реалий: будь то язык Св. Писания в XVI веке (статья А. Филюшкина) или московские традиции визуальной репрезентации власти в петербургский имперский период XVIII века (статья Е. Болтуновой). Взаимоотношение с имперской властью могло вовсе игнорировать реальность империи (Н. Цыремпилов) или выражаться невербально, через социальные практики – впрочем, точно так же, как и зарождающееся чувство национальной общности, еще не оформленное при помощи популярных дискурсов (см. статьи С. Екельчика, А. Ремнева и Н. Суворовой). Довольно поздние попытки рационализировать гетерогенное имперское пространство (статья М. Лоскутовой) сталкиваются с неадекватностью аналитического аппарата современных общественных наук, ориентированных на модель нации-государства, реалиям Российской империи. Важно подчеркнуть, что с крахом исторической Российской империи не исчезла сама «имперская ситуация» как состояние комплексной гетерогенности, когда взаимопереплетаются (еще более усложняя друг друга) одновременно самые разнообразные системы выделения различий: территориальные, этнические, культурные, экономические, конфессиональные, сословные, политические, демографические и т. п. Попытки провести «работу над ошибками» исторической империи после 1917 года в рамках антиимперской политики коренизации в СССР (П. Варнавский)

или неоимперских построений эмигрантов-евразийцев (С. Глебов) были отмечены поисками более адекватного языка анализа имперского опыта – столь же ограниченными частичным «видением» империи.

Именно это несоответствие и напряжение между доступными средствами описания и интерпретации имперского опыта современниками, с одной стороны, и социально-политическими реалиями, с другой, и составляет нерв имперской истории – как исторического процесса и как способа его научного осмысления.

Александр Филюшкин

Как Россия стала для Европы Азией?¹

Европа и Россия в исторической памяти друг друга осуществляют разные варианты цивилизационной судьбы. С какого момента они стали осознавать различия между собой? В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть самую начальную фазу складывания представлений о русской идентичности в западном мире. Эта фаза в литературе часто обозначается термином «открытие Европой России». С точки зрения человека эпохи Возрождения это было действительно открытие, менее громкое, чем обнаружение за океаном Нового Света, но не менее важное для истории континента. И здесь важно установить, чего в этом феномене было больше: пытливого узнавания чужого мира или вписывания его в заготовленный контекст, применения к нему Западом уже

---

¹ Поддержка настоящего проекта была осуществлена АНО ИНО-Центр в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках» совместно с Министерством образования Российской Федерации, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при участии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров (США). Точка зрения, отраженная в настоящей статье, может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций, проект КИ 400-3-03.

существующих моделей восприятия.

От ответа на последний вопрос зависит постановка очень важной проблемы. Необходимо установить, было ли открытие Европой России в конце XV века вызвано стечением исторических обстоятельств, по сценарию, описанному в ставших хрестоматийными словах К. Маркса: «Изумленная Европа, в начале правления Ивана (Ивана III. – А.Ф.) едва знавшая о существовании Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи, и сам султан Баязид, перед которым Европа трепетала, впервые услышал высокомерную речь Московита»?² Или же Европе зачем-то понадобилось «открывать» Россию, этот акт был призван заполнить какую-то вакантную нишу на ментальной карте мира³ эпохи Возрождения?

Ниже мы попытаемся показать, что идентификация Западом России обуславливалась не столько информацией, полученной из этой далекой страны, сколько внутренней европейской дискурсивной практикой. Иными словами, формирование образа России в западном мировоззрении зави-

---

² Маркс К. Разоблачение дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 6–7.

³ Ментальная карта – воображаемое представление человека об окружающем его пространстве, при котором географические и политические субъекты располагаются не в соответствии с их реальной ролью, а в зависимости от их исторической и политической роли в сознании создателя ментальной карты. Подробнее см.: Downs R., Stea D. Maps in Minds: Reflections of Cognitive Mapping. N.Y., 1977.

село не только от России⁴. Оно отвечало определенным, прежде всего внутриевропейским задачам. Западный мир, в общем-то никогда не испытывавший масштабной оккупации со стороны внешнего врага (все волны агрессии, и арабская, и монгольская, и турецкая, так или иначе гасли на окраинах континента), сам вырабатывал модель, по которой строились его отношения с другими странами и народами. По замечанию В.Л. Цымбурского, Европа смогла «осуществить для себя стремление всех цивилизаций – вступать в контакты с чужеродным миром исключительно на собственных условиях»⁵. Поэтому и отношение к другим народам для Запада было обусловлено не сколько объективным обликом «чужих», столько развитием собственно европейской дискурсивной практики.

---

⁴ Применительно к эпохе Просвещения эту мысль высказал Л. Вульф (*Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения*. М., 2003. С. 35, 38). По его мнению, в XVIII в. Запад вторично открыл для себя Восточную Европу. Однако слишком краткий обзор сочинений европейцев о России XVI–XVII вв., помещенный в работе Л. Вульфа (Там же. С. 35–36, 43–45), не позволяет понять, видит ли он континуитет России эпохи Возрождения и эпохи Просвещения. Из чтения книги создается впечатление, что он не обратил должного внимания на преемственность дискурсов в описаниях России у авторов XV–XVI и XVIII вв. На самом деле «изобретение Восточной Европы», описанное Вульфом как феномен XVIII в., в полной мере состоялось в XV–XVI вв., и авторы эпохи Просвещения во многом лишь воспроизводили и развивали стереотипный взгляд на Россию и ее соседей, уже устоявшийся в сознании европейцев за XVI–XVII вв.

⁵ *Цымбурский В.Л. «Европа-Россия»: «Третья осень» системы цивилизаций // Политические исследования. 1997. № 2. С. 58.*

Открытие Западом России в конце XV века – это прежде всего проявление сочинения Европой самой себя, поиск христианским миром своей историко-культурной идентичности в эпоху Возрождения. Причем этот поиск осуществлялся по определенной схеме. Ее происхождение связано с более ранней по времени возникновению моделью восприятия Европой Востока. По словам Э. Саида, «Восток помог найти дефиницию Европе, или тому, что мы называем Западом»⁶. Перед нами неоднократно изученный учеными прием: формирование представлений о другом как способ самопознания⁷. Причем, что важно, характер этого самопознания заключался не только в том, что мир-контрагент наделялся чертами, которые европейская цивилизация не имела или не хотела бы иметь. Поиск Европой своей дефиниции во многом зависел от формирования ментальной матрицы, которая накладывалась на отношения с окружающей континент социальной и географической действительностью. Каждому участнику этих отношений заранее присваивалась определенная роль в системе «Европа – Восток», «Европа – Россия». По многим позициям пересмотра этой роли в западном сознании не произошло с XV века и до сих пор. Некоторые ее элементы по-прежнему определяют место России в мире в

---

⁶ Said E. *Orientalism*. N.Y., 1978. P. 1, 7.

⁷ См., например: *Theunissen M.* The Other: Studies in the Social Ontology of Husserl, Heidegger, Sartre and Buber. Cambridge, 1986; *De Certeau M.* Heterologies: Discourse on the Other. Manchester, 1986; *Beattie J.* Other Cultures: Aims, Methods and Achievements in Social Anthropology. London, 1987; etc.

исторической памяти Старого (а теперь уже и Нового) Света.

Strasburg, 1981; *Hammerow T.* The Birth of a New Europe: State and Society in the Nineteenth Century. North Carolina, 1983; *Rougemont D.* Vingt-huit siècles d'Europe. Paris, 1989; *DeGruy G.* Inventing Europe: Idea, Identity, Reality. N.Y., 1995; *Williams R.* The History of the Idea of Europe. Milton Keynes, 1995; *Wilson K, Van der Bussen J.* The History of the Idea of Europe. London, 1995; *Davis N.* Europe: A History. London, 1997; *Hoffmeyer M.* The Meaning of Europe: Geography and Geopolitics. London, 1998; Europe and the Other and Europe as the Other / Ed. by B. Strath Bruxelles, 2002; The Idea of Europe: From Antiquity to the European Union / Ed. by A. Pagden. Cambridge; Washington, 2002; *Geary P.* The Myth of Nations: The Medieval Origins of Europe. Princeton, 2002; *Tawada Y.* Where Europe Begins. N.Y., 2002; etc.

Как европеец узнавал неевропейца?

Для европейского средневекового менталитета притязание

Не вдаваясь в полемику, заметим, что и в развитие Средневековья, и в Возрождение европеец четко и осознанно отличал себя от неевропейца и, тем более, от представителя восточного мира. Концепт *Orientalis et Occidentalis* своим происхождением был обязан прежде всего последствиям раскола римского мира на Западную и Восточную империи. В раннее Средневековье термин *Occidens* обозначал территории, находившиеся западнее восточной границы империи Каролингов, то есть линии Эльба – Литва. Его использовали для обозначения земель, противопоставившихся Византии. После смерти Карла Великого в 814 г. применительно к региону *Occidens* стал использоваться термин *Europa*, а после раздела церковей в 1054 г. получило распространение определение *Europa Occidens unu Occidentalis*. Границы этой общности распространились до пределов притязаний Священной Римской империи, то есть до Нижнего Дуная и Восточных Карпат, и она стала синонимом «христианского мира» (*Сюц Е.* Три исторических региона Европы // Центральная Европа как исторический регион / Отв. ред. А.И. Миллер. М., 1996. С. 150–151). Для интересующей нас эпохи (XV–XVI вв.) несомненным является осознание себя жителями стран, которые мы сегодня называем западноевропейскими, как принадлежащих к одной общности – *res publica Christiana*, с которой ряд исследователей, в частности, Б. Геремек склонны отождествлять понятие «Европа» (*Geremek B.* La notion d'Europe et la prise de conscience européenne au bas Moyen Age // La Pologne au XVe Congrès International des Sciences Historiques à Bucarest. Etudes sur l'histoire de la culture de l'Europe centrale-orientale. Wrocław, Warszawa, Krakow, Gdansk, 1980. P. 70–93). Объединяющими началами для нее к этому времени считались, помимо религии, *modus vivendi*, культура, в том числе и достижения наук и образования – словом, уже началось формирование понятия об уровне развития, который позже назовут «европейской цивилизованностью».

новении с чужим миром было характерно его осмысление «по аналогии», то есть через сравнение с каноническими образами и понятиями. Источником последних являлось прежде всего Св. Писание, труды теологов, а также события древней и церковной истории. Они являлись неисчерпаемым эмпирическим фондом для дискурсивной практики.

Первый раз этот механизм дал сбой при столкновении европейцев с мусульманским миром⁹. Чтобы понять ислам, Запад не мог найти подсказки ни в античных текстах, ни в Библии – мусульмане в них не упоминались. Отсюда и попытки привлечь для осмысления восточной темы уже знакомые понятия – «варвары», «иудеи». Возникает и обоснованное Бедой Достопочтенным определение мусульман как агарян, потомков библейского Исмаила¹⁰. Начиная с П. Альваруса и Евлогия получили распространение эсхатологические мотивы в изображении восточных народов, основанные главным образом на Книге пророка Даниила. Недостаток информации вызвал в Европе всплеск интереса к греческому интел-

---

⁹ Библиография истории отношений средневекового Запада и Востока очень обширна, ее обзор до 1966 г. см.: *Norman D. Islam and the West: The Making of an Image*. Edinburgh, 1966. P. 393–432; обзор последней историографии: *Луцицкая С.И. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов*. СПб., 2001. С. 8–25.

¹⁰ Исмаил – сын патриарха Авраама и его служанки египтянки Агари, праотец союза 12 племен измаилитов Аравийской пустыни (Быт 16: 2-16, 21:10, 18, 20–21; 25:16, 18). В исламе он отождествляется с Исмаилом, сыном Ибрахима (Авраама), освятившим главный мусульманский храм Кааба в Мекке (Коран 2: 116, 119, 121, 130, 134 и др.).

лектуальному наследию: греки, как более близкие к Востоку, могли помочь постичь его¹¹. Из Античности было заимствовано описанное Э. Саидом самоощущение европейцев как «особого человечества на особой земле», со всех сторон окруженной варварами (прежде всего это противопоставление относилось к азиатским соседям)¹².

Однако поиск аналогий помогал мало. Д. Норманом показано, что средневековые христианские теологи применили для обличения мусульманства библейское учение о лжепророках. Европейцы критиковали ислам на основе Св. Писания, в котором о пророчествах Мухаммеда не было ни слова. Но это оказалось неважным: к восточному сопернику Запад применил свои представления о врагах вообще, то есть о том, каким в принципе может быть антагонист христианского мира¹³. Конечно, европейские теории, связанные с осмыслением магометанства, были зачастую фантастичны – чего стоит идея о сексуальных привилегиях мусульман (многоженстве, гаремах) как специальном инструменте разрушения христианства¹⁴. Но они в принципе закладывали направление развития дискурсивной практики осмысления проблемы «неевропейских народов».

---

¹¹ *Southern R. W.* Western Views of Islam in the Middle Ages. Harvard, 1962. P. 4, 5, 14, 19.

¹² *Said E.* Op. cit. P. 54–55, 57.

¹³ *Norman D.* Op. cit. P. 77–78; *Лушицкая С.* Указ. соч. С. 70–95.

¹⁴ *Southern R. W.* Op. cit. P. 28–37; *Norman D.* Op. cit. P. 17–22.

В эпоху Крестовых походов все сведения об образе «чужого» просто вписывались в эту схему, выступавшую само-довлеющей силой в продвижении европейцев за пределы Европы¹⁵. В XIII–XV веках при контактах с «новыми чужими» данная схема доминировала в европейском сознании и лишь корректировалась по мере усвоения фактов, которыми нельзя было пренебречь. Например, взгляды на проблему восточных соседей получили в XIII веке новое развитие в связи с появлением монголов. Прежде всего, сместились мировые горизонты. Как писал в «Великой хронике» Матфей Парижский (1200–1259): «С Северных гор устремилось некое племя человеческое, чудовищное и бесчеловечное, и заняло обширные и плодородные земли Востока...»¹⁶ Нашествие из Азии огромных орд пошатнуло европоцентричную модель мира: теперь стало очевидно, что на Западе живет отнюдь не большинство человечества, а лишь его малая, хоть и лучшая часть.

Примечательно, что, несмотря на популярность эсхатологического дискурса в осмыслении монгольской темы¹⁷, по-

---

¹⁵ Подробнее см.: *Луцицкая С.* Указ. соч. С. 97–121, 142–164, 191–200, 309–313 и др.

¹⁶ *Матузова В.И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 135.

¹⁷ Речь идет о переосмыслении библейского эсхатологического топоса и попытках связать появление татар с уже известными пророчествами о конце света. Например, у Матфея Парижского: «...их предводитель утверждает, что он посланец всевышнего бога, для того чтобы усмирить и подчинить народы... питаются

являются концепции как о принципиальной враждебности татар христианскому миру¹⁸, так и об особой исторической миссии «тартар» в распространении христианства. Их воспринимали как потенциально готовых к обращению в истинную веру и особые надежды возлагали на то, что в этом случае монголы выступят «мечом Запада» против мусульманства. Завоевания Чингисхана и его наследников в Азии делали эту мысль особенно соблазнительной.

В 1245 году римский папа Иннокентий IV отправил монгольскому императору послание с призывом принять христианство. Последовал отказ, который вызвал к жизни уже

они сырым мясом, также и человеческим... в тот год люд сатанинский проклятый, а именно бесчисленные полчища татар... выйдя наподобие демонов, освобожденных из Тартара... словно саранча, кишели они, покрывая поверхность земли. Окрестности восточных пределов подвергли они печальному разорению, опустошая огнем и мечом... они сровняли города с землей, вырубали леса, разрушили крепости, выкорчевали виноградники, разорили сады, убили горожан и сельских жителей» (Там же. С. 135–137, 140, 141–142). Подробнее об особенностях восприятия татар в средневековой Европе см.: *Schmieder F. Europa und die Fremden: Die Mongolen im Urteil des Abenlandes vom 13 bis in das 15 Jahrhundert*. Sigmaringen, 1994; *Юрченко А.Г. Империя и космос: реальная и фантастическая история походов Чингисхана по материалам францисканской миссии 1245 года*. СПб., 2002.

¹⁸ Хроника Матфея Парижского: татары «движутся с тем намерением, чтобы, невзирая на грозящие жизни опасности, подчинить себе весь Запад (Occidentem), упаси, господи, и веру в Христа погубить и уничтожить». А против них должна выступить «Европейская империя» (*imperialis Europae*) – Германия, Испания, Англия, Алемания, Дания, Италия, Бургундия и др. (*Матузова В.И.* Указ. соч. С. 146).

идеи Крестового похода против монголов¹⁹. А в принятии ими мусульманства в XIV веке Европа увидела для себя страшную опасность: ее азиатские враги консолидировались. Недаром в XIII–XIV веках возникает миф о том, что татарские завоевания в Европе поддерживались еврейскими поставками оружия (этому в хрониках посвящались специальные рассказы под заголовком «О чудовищном коварстве иудеев»²⁰). То есть в фобиях европейцев объединялись новый и древний враги христианства, что характерно – оба происходящие с Востока.

Поэтому с XIV века на Западе в отношении Востока нарастает ксенофобия и возникает определение его как принципиального врага «христианского мира», источника физической угрозы²¹. Рост турецкой агрессии в XIV–XV веках (в 1354 году османы вышли на европейский берег Дарданелл, а с 1365 года их временная столица располагалась уже в европейском городе Адрианополе) подтверждал правильность подобной позиции.

Турок, как новых пришельцев с Востока, Европа воспринимала по той же схеме. Одновременно с ростом эсхатологических настроений (подкрепляемых падением Константинополя в 1453 году²²) возникают идеи... использования ту-

---

¹⁹ Подробнее см.: *De Rachewiltz I. Papal Envoys to the Great Chans. London, 1971.*

²⁰ *Матузова В.И.* Указ. соч. С. 147.

²¹ *Southern R. W.* Op. cit. P. 42, 45, 65, 68.

²² В «Пророчестве» Мефодия Патарского говорилось, что падение Константи-

рок в интересах христианского мира. Речь идет о знаменитом письме 1460 года Энея Сильвия (римского папы Пия II) турецкому султану Мехмеду II, завоевателю Константинополя. Послание замечательно тем, что в нем султану предлагается... обращение в христианскую веру. Тогда он станет «императором греков и всего Востока» и величайшим человеком своего времени²³. Однако вторжение османов в земли, находящиеся под юрисдикцией Священной Римской империи, показало утопичность подобных призывов. И в XVI веке Турция однозначно трактуется как смертельный враг христианского мира, хотя при этом в политической практике с этим врагом не гнушались сотрудничать (например, Франция).

Д. Норман отметил, что в отношениях Запада и исламского Востока в Европе очень рано стала преобладать идея силы. Лозунг «наступления на неверных» использовался и той и другой стороной, однако для европейцев ситуация усугублялась ощущением собственного бессилия: против мусульман можно было только обороняться – ни завоевать их, ни обратить в свою веру не получалось. Это остро ставило про-

---

нополя есть главный признак скорого конца света. Учитывая, что приближался 7000 г. от сотворения мира (1492 г. от Р.Х.), считавшийся страшным «семиричным числом», эсхатологической датой, падение столицы Византии в 1453 г. выглядело особенно зловеще, подробнее см.: *Истрин В.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические Видения Даниила в византийской и славянорусской литературах. Исследования и тексты. М., 1897.

²³ *Southern R. W.* Op. cit. P. 100–102.

блему – почему христианам не помогает Провидение. Отсюда и происходил болезненный интерес Запада к Востоку, и заочная полемика с его религией и идеями, и непоследовательное отношение – от ненависти до концепции «исламского возрождения». Для наступления на исламский мир Европе требовалась определенная «самоиндульгенция», которую формировал и обеспечивал христианский критицизм²⁴. Прежде всего, ислам давал широкий простор для морализирования на темы ритуалов и догматов, государственного и общественного устройства, нравов и обычаев, восточного фатализма и детерминизма, идеи мусульманского загробного воздаяния, очень эмоционально воспринимаемого феминного аспекта²⁵.

Эпоха Великих географических открытий, появление Нового Света вызвали дополнение данной модели восприятия европейцами чужого мира. К ней добавился колониальный дискурс, родившийся из идеи христианского миссионерства в сочетании с экономическими потребностями Запада, открывшего для себя новый источник развития в освоении заморских земель²⁶. Оказалась востребованной античная ко-

---

²⁴ Norman D. Op. cit. P. 109, 133, 135.

²⁵ Анализ средневековой европейской критики мусульманства по этим направлениям см.: Ibid. P. 135–160, 163–227.

²⁶ Под колониализмом здесь мы понимаем попытку распространения более развитой культуры на менее развитые общности или вообще новые, пустые земли. Он характеризуется прежде всего осознанием колонизаторами своей миссии по повышению культурно-цивилизационного уровня колонизируемых терри-

лониальная история, что проявилось в резком росте интереса к творческому наследию древнегреческих и римских историков и географов.

Данный колониальный дискурс проявлялся прежде всего в том, что Запад воспринимал любой нехристианский мир как младший, недоразвитый мир, как стадию, через которую Европа уже прошла²⁷. Поэтому в подходе к другим культурам, как показал Э. Саид, начинала действовать уверенность в необходимости запуска механизма культурной интеграции, вытекавшая еще из исторической практики усвоения варварами-германцами ценностей древнеримской цивилизации. То есть любая «младшая цивилизация» при столкновении со «старшей», европейской должна у нее учиться.

торий или народов. В Средневековье данная миссия обычно осознается как религиозная; но все же, начиная с Античности, она так или иначе осмысливается в плоскости «культура / варварство». Все это сочетается с утилитарно-потребительским интересом колонизаторов к материальным, прежде всего природным и людским ресурсам, которые можно дешево почерпнуть на новооткрытой территории. Древний и средневековый колониализм совсем не обязательно приводит к образованию колониальных империй по образцу нового времени. Он служит, скорее, для расширения границ Ойкумены (примеры – Великая Греческая колонизация, христианское миссионерство среди северных народов). Колониализм нового времени, развивавшийся под киплинговским лозунгом «Несите бремя белых и лучших сыновей», и неоколониализм, в значительной мере основанный на глобализме, – явления иного характера, обладающие целым рядом параметров и функций, которых не было в примитивном средневековом колониализме. Тем не менее эти феномены имеют много сходного, что и оправдывает применение к эпохе Возрождения термина «колониализм».

²⁷ Ср.: Jones W.R. The Image of the Barbarian in Medieval Europe // Comparative Studies in Society and History. 1971. Vol. 13. № 4. P. 376–407.

А если она оказывается абсолютно невосприимчивой к культурному воздействию, не хочет усваивать его или усваивает на понятный только ей самой лад? Значит, перед Европой принципиально чуждый тип культуры, развивающийся по каким-то своим законам, «закрытая цивилизация», с которой и разговор должен быть соответствующий, как с принципиально чуждым и враждебным миром²⁸. Но отсюда с неизбежностью вставал вопрос: а что есть «чужой» мир? Естественным ответом на него было сосредоточить в этом мире все, что противоположно субстанциальным чертам европейской культуры, – то есть чужой мир рисовался как «антикультура», средоточие греха, порока, грязи, мерзости и прочих «антиценностей» христианского мира.

Таким образом, благодаря контактам с чужими (как с исламским миром, так и с Новым Светом) к эпохе Возрождения у европейцев сформировалась определенная модель восприятия иных миров. Открытие чужих народов и стран первоначально предполагало попытку их осмысления «по аналогии», через библейские и исторические образы. Одновременно возникали идеи, как данных «чужих» можно сделать своими, через их приближение к Европе, включение тем или иным способом в христианский мир. Параллельно шло изучение новых соседей. Как правило, этот процесс заканчивался пониманием того факта, что «чужие» все-таки, по тер-

---

²⁸ *Said E. Op. cit. P. 70–71.*

минологии П. Багге, «существенно другие»²⁹. Они в принципе невосприимчивы для культурного влияния. И их нужно тем или иным способом колонизировать или обезопасить, сделать слугами или союзниками. Это понимание оформлялось в устойчивой дискурсивной практике, которая потом начала уже сама по себе довлеть в восприятии других народов и стран.

Какое место русские земли занимали на карте мира в период Средневековья? Куда помещали Россию ученые эпохи Возрождения: в Европу или в Азию?»³⁰

В XV–XVI веках Россию для Европы открывали путе-

---

²⁹ Bugge P. *Asia and the Idea of Europe – Europe and its Others // Asian Values and Vietnam's Development in Comparative Perspective*. Hanoi, 2000. P. 3.

³⁰ Географами Ренессанса первоначально использовались античные понятия Европы и Азии. У древних греков Европой называлось западное побережье Эгейского моря (т. е. современный Балканский полуостров), а Азией – восточное побережье (т. е. современный полуостров Малая Азия). В «Ges periodos» Гекатея граница между Европой и Азией была проведена по Геллеспонту, Понту Эвксинскому, Кавказским горам и Каспийскому морю. В качестве границы греческие и римские авторы позже называли р. Фасис (совр. Риони) в Закавказье, р. Танаис (Дон). В эпоху Античности это деление мира носило географический характер: люди делились на эллинов и варваров, римлян и варваров, но не на европейцев и азиатов. В Средневековье в связи с конфликтами с арабами в Испании и Крестовыми походами возникает противопоставление населенного «неверными» Востока и «христианского мира», т. е. Европы.

шественники, купцы, дипломаты, то есть главные действующие лица эпохи Великих географических открытий³¹. Но не меньшую роль, чем «практики», в этом процессе сыграли «теоретики» – европейские географы, историки и теологи, которые никогда не были в далекой Московии, но составили ее первые описания и карты. И здесь принципиально важно, какое место западные кабинетные ученые отводили новой стране на карте мира³².

Нельзя сказать, что до открытия России в XV–XVI веках о землях, на которых она находилась, в Европе совсем ни-

---

³¹ Историю установления дипломатических и культурных контактов России и Европы в конце XV – начале XVI в. см.: *Fennel J. Ivan the Great of Moscow*. London, 1961; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980; *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV века. М., 2001; *Mund S. Orbis russiarum: Genèse et développement de la représentation du monde "russe" en Occident a la Renaissance*. Genève, 2003 (= *Travaux d'Humanisme et Renaissance*. № CCCLXXXII). P. 27–34.

³² Применительно к более поздним эпохам вопрос о роли географии в формировании концепта места России в мире был объектом внимания ученых (*Parker W.U.* Is Russia in Europe? The Geographical Viewpoint // *An Historical Geography of Russia*. London, 1968. P. 34–41; *Bassin M.* Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geography // *Slavic Review*. 1991. Vol. 50. P. 4–8; *Вульф Л.* Указ. соч. С. 226–294). Однако применительно к XV–XVI вв. изучались в основном отдельно иностранные карты Московии без исследования их соотношения с картами Европы. Между тем до превращения географии в точную науку в конце XVI–XVII в. (в связи с открытием способов измерения долгот и широт и их привязки к карте) речь идет по преимуществу именно о картах, на которых картина мира в большей степени конструировалась, а не отображалась. И поэтому для нашей темы они представляют несомненный интерес.

чего не знали. После трудов античных ученых здесь, во-первых, были известны главные географические ориентиры – Рифейские и Гиперборейские горы, из которых вытекали реки – Борисфен (Днепр), Танаис (Дон) и Ра (Волга). Во-вторых, были приблизительно установлены пределы этого мира, которые считались границами между Европой и Азией. Они проходили по реке Танаису (Танаю) и по Рифейским горам. В-третьих, считалось, что практически всю территорию от Дуная до подножия Рифейских гор покрывает таинственный Герцинский лес, начинающийся еще в Германии. В-четвертых, античные авторы были уверены, что данные пространства населяют многочисленные варварские народы, у которых нет ни единого предводителя, ни общего государства. Собирательным названием для них было «скифы» или «сарматы».

Развитие географической мысли в период Средневековья было шагом назад по сравнению даже с данной концепцией. Вплоть до XV века доминировала так называемая «монастырская география», главным образцом творчества которой были *Мappae Mundi*. Это карты, руководством к созданию которых послужила цитата из Книги Иезекииля: «Сия глаголет Адонаи Господь: сей Иерусалим, посреди языков положих его, и страны, яже окрест его» (5:5). Их авторы видели мир в виде Т-образного креста, вписанного в круг. Стороны креста образовывали реки Танаис (Дон) и Нил, а вертикаль креста – Средиземное море. Сегментами же выступали

части света: Азия (верхний сегмент, отделенный от Европы Танаисом и от Африки Нилом), Европа и Африка (разделенные Средиземным морем). Вокруг этих частей света простирался мировой океан. В перекрестье же размещался Иерусалим – центр мира³³.

На ранних картах³⁴ (например, на карте Эрбсторфа 1234 года и Харефорда 1290 года) отдельные русские города (Киев, Полоцк, Смоленск, Новгород) были расположены «в правой руке Христовой», в сегменте, образуемом Танаисом и Средиземным морем, то есть в Европе. С XIV века на итальянских портоланах, происходящих из итальянских колоний в Крыму, Причерноморье фигурирует также в составе Европы (картах Кариньяно и Пиззигано, списки 1320–1456 годов, так называемом атласе Медичи, 1351 и др.). Среди объектов на этих картах значились реки Дон, Днепр, Волга, Нева, территории Кумания (Земля кочевников), Газария (в устье Дона), Сарматия, Земля амазонок, Рифейские горы, Северный Ледовитый океан и, у побережья Балтики, Курляндия и Новгород.

---

³³ Andrews M. The Study and Classification of Medieval Mappae Mundi // *Archaeologia*. 1926. Vol. 75. P. 61–76; Постников А.В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М., 1985. С. 69; Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры: История географических идей / Пер. Л.Н. Кудряшовой, предисл. и ред. А.Г. Исаченко. М., 1988. С. 76–77.

³⁴ Здесь и далее описания средневековых карт даются по их публикации в книге: Bagrow L. A History of the Cartography of Russia up to 1600 / Ed. by H.W. Castnew. Ontario, 1975. P. 19, 22–23, 27.

Большой интерес для ментальной географии представляет собой так называемая Францисканская карта 1350–1360 годов, составленная неким монахом из Кастильи. Он никогда не совершал своего путешествия, а изучил каталаунские карты мира и потом нарисовал собственную карту Европы, как он себе ее представлял. В районе Танаиса у него располагалась воображаемая империя *Sara*, за Невой – царство вечного холода страна *Siecia*. В целом география получилась абсолютно фантастическая, единственным русским объектом, который можно соотнести с реальностью, был Новгород.

Особый статус последнего города на средневековых картах, видимо, был порожден его известностью как торгового центра. На карте бенедиктинского монаха из Зальцбурга Андреаса Веспергера (1448) огромное изображение Новгорода занимало все пространство от Азовского до Балтийского моря. При этом восточнее Новгорода располагались Рифейские горы, за которыми жили каннибалы, а также народы Гога и Магога. То есть восток Европы, согласно Веспергеру, состоял из Новгорода и земель, заселенных дикими народами-людоедами.

К XV веку можно отнести первые изображения собственно России на картах Европы. Причем она однозначно помещается в европейский знаковый контекст. На карте Андреа Бианко 1436 года нанесена *imperio Rosie magna*, находящаяся за Доном и Волгой. Ее соседом выступают *imperatorii Tartarorou*. Карта Бианко интересна своими условными зна-

ками – крупные государства обозначены символическими фигурами правителей в шатрах, на троне и с коронами. Так изображены императоры: русский, татарский и два романских (один помещен на Среднем Дунае, другой на Балканах), а также *Trabexonsa* (на месте Византии). Рисунки императоров идентичны – по одежде, короне и символам власти это стилизованный европейский правитель.

Важным этапом в развитии знаний о восточных рубежах Европы было составление в 1457–1459 годах карты Фра Мауро (см. ил. 1). Границей Европы и Азии у него выступает Волга, на которой расположены *Rossia Bianco* и *Paluda Rossia*. На Дону находилась *Rossia Negra*, на реке Оке – *Moscovia*, между Доном и Днепром – *Lituania*. Среднее Поднепровье с Киевом (*Chio?*) на карте обозначено как провинция *Raxan*, севернее которой нанесена провинция *Ma-hag*. Между Днепром и Днестром лежит *Gothia*. Видимо, Фра Мауро принадлежит честь одного из первых разделений на карте Московии и России, правда, в данном случае в фантастическом контексте: Московию он отделял от мифических России Белой и России Черной³⁵.

В связи с реанимацией птолемеевской традиции в конце XV века³⁶ перед географами эпохи Возрождения встала

---

³⁵ Ibid. P. 32.

³⁶ Одним из факторов, обусловивших в конце XV – начале XVI в. всплеск интереса к землям к востоку от Одера, была реанимация античной географической традиции в эпоху Возрождения. Греческая и римская ученость возвращалась в Европу с Востока. На Запад из гибнущей Византии эмигрировало немало уче-

проблема Сарматий. На восьмой карте Европы у Птолемея перед Доном и Рифейскими горами нанесена Европейская Сарматия, а за Доном – Азиатская. Последняя дана в подробностях на второй карте Азии. Таким образом, ученый авторитет четко обозначил пределы европейского мира и даже субъекта, лежащего «наполовину в Европе, наполовину в Азии», – Сарматию, к которой в XV веке относили земли Польши, Литвы, Московии. Это, наверное, первое формулирование парадигмы о «срединном положении» России между двумя антагонистическими мирами.

ных, хорошо знакомых с античной географической наукой. В 1406 г. во Флоренции был сделан перевод с арабского на латинский язык «Географии» Птолемея, затем последовал целый ряд переизданий (наиболее интенсивно Птолемея издавали в 1470-х гг.). С конца XV в. появляются многочисленные атласы на основе трудов античных авторов (наиболее известны работы Доминиуса Николауса Германуса, Франческо Берлингьери, Франческо Россели, Генриха Мартелла).

Иллюстрация 1. Фрагмент карты мира (mappa mundi) Фра Мауро.

Факсимиле манускрипта глобуса, 1460. Карта диаметром 1,96 м воспроизведена на 48 листах в издании: *Il mappamundo di Fra Mauro a Cura di tullia Gasparrini Leporace. Venice, 1956. Fol. 34* (James Ford Bell Library, University of Minnesota)

Освоение птолемеевской традиции в эпоху Возрождения не было буквальным, а, скорее, происходило на уровне соблюдения форм и номенклатуры понятий. Практически сразу же началась, по выражению Л. Багрова, «диффузия пто-

лемеевской географии»: на карты античного ученого наносились современные границы, очертания, страны и народы, которые на первых порах соседствовали с андрофагами и амазонками. Постепенно подборка античных карт вытеснялась работами географов XV–XVI веков, однако при этом, что важно, нумерация карт повторяла структуру Птолемея. И заданные им параметры европейских и азиатских пределов перешли в Средневековье. Например, на Генуэзской карте 1457 года между Днепром и Доном находится *Sarmatia Prima*, на Волге – *Sarmatia Secunda*. Даже на карте мира 1507 года Мартина Вальдземюллера, одной из первых, где был одновременно изображен и Старый, и Новый Свет, еще нет ни Московии, ни России, зато нанесены Европейская и Азиатская Сарматии. В последней находились Татария и Страна амазонок.

Однако постепенно происходила разработка новой номенклатуры стран и народов Востока Европы. В 1490 году в переиздании Птолемея Генрихом Мартеллом Германусом на карте Европейской Сарматии у подножия Рифейских гор мы видим *Ducatus Moschovie*. На карте 1491 года Конрада Певтингера нанесена *Sarmatia terra in Europa*, с которой соседствуют Ливония, Новгород и Великое княжество Литовское (*Magnus Ducatus*), а также Псковское королевство (*Pleslovregnum*). Северо-восточнее Новгорода и Пскова расположена Белая Русь (*Russiae Albae pars*). На юго-западе, в Среднем Поднепровье и на Днестре ей противопоставляется

Красная Русь (Rubea Russia). На карте Иеронима Мюнстера 1493 года также разделены Руссия (находящаяся по соседству с польской Подолией) и Московия³⁷.

В конце XV – начале XVI века с подачи польских ученых и политиков в ментальной географии восточных пределов Европы намечается тенденция, согласно которой Россию пытаются вытеснить за их пределы, в Азию. Как показал Э. Клюг, один из первых подобных случаев – комментарии краковского магистра Яна из Глогова к переизданию Птолемея, в котором Московия была однозначно записана в Азиатскую Сарматию³⁸.

Необычайный интерес представляет собой аллегорическое изображение Европы в тексте под названием «Introductorium cosmographiae» (около 1507), происхождение которого также связывают с Яном из Глогова или его кружком. Европа нарисована в виде драконоподобного существа, у которого крылья – Ирландия и Англия, ноги – Балканы, Италия и Испания, а туловище – Франция, германский мир, Польша и Литва. Дракону-Европе противостоит Медведь-Азия, в которой центральное место занимает Московия³⁹ («медвежья символика», как мы видим, характерна для России с начала XVI века до наших дней).

---

³⁷ Bagrow L. Op. cit. P. 30, 42–47.

³⁸ Klug E. Das “asiatische” Russland. Ueber die Entstehung eines europäischen Vorurteils // Historische Zeitschrift. 1987. № 245. S. 273.

³⁹ Ibid. S. 274–275.

В подготовке карты 1507 года Маркуса Бененентана, вышедшей вместе с очередным выпуском Птолемея, принимали участие польские картографы (в том числе Бернард Ваповский и представители копернианской школы). Они также постарались вытеснить Московию за пределы Европы, в Азию. *Ducatus Moscovia* было помещено за Рифейские горы и Герцинский лес, которые и отделили его от *Russia Alba*. Город Москву поляки нанесли на северном склоне Рифейских гор, возле Ледовитого океана. Даже Татария оказывалась ближе к Европе, чем Московия⁴⁰.

Поскольку поляков как непосредственных соседей Московии в XV–XVI веках трудно заподозрить в незнании истинного положения вещей, перед нами явное стремление изгнать Россию из Европы. Представляется правильным мнение Э. Клюга о том, что именно поляки в XVI веке распространяли на Западе миф об азиатской и варварской Московии, антагонисте христианского мира, впоследствии подхваченный в других странах⁴¹. Правда, Э. Клюг относит господство данной точки зрения в Европе уже к первой половине XVI века, что не совсем верно: о ее доминировании можно говорить только со второй половины XVI века, после распространения труда о Московии С. Герберштейна и идеологического эффекта от Ливонской войны (1558–1583). Это подтверждается тем, что на большинстве карт Европы XVI

---

⁴⁰ Bagrow L. Op. cit. P. 47.

⁴¹ Klug E. Op. cit. S. 276–282.

века⁴² Московия размещалась все же в Европе, хотя по отношению к западным странам и далеко на северо-восток, в правом верхнем углу карты. Правда, это произошло скорее не из-за признания европейского характера России, а из-за географического смещения Азии – ее теперь относили за Волгу и Нижний Дон, то есть основная часть Московии однозначно попадала в Европу.

Данное «удаление Азии», по справедливому замечанию М. Винтля, было вызвано тем, что Великие географические открытия как бы уменьшили размеры европейского континента в глазах западных картографов. Первой их реакцией на это было увеличение Европы, продвижение ее границы на восток, с Танаиса за Волгу. Второй – появление иконо-

---

⁴² Во второй четверти XVI в. процесс картографирования земель к востоку от р. Одер ставится на научную основу. Революционное утверждение в 1517 г. краковского ученого Матвея Меховского, что Рифейских гор нет, разрушило бытовавшую с Античности систему ориентиров. Поиск новых очертаний континента географы XVI в. стали вести с привлечением свидетельств очевидцев – знатоков земель за Вислой и Неманом. Карта Йовия 1525 г. составлялась по рассказам русского гонца в Рим Дмитрия Герасимова (издавалась в атласе Баттисты Агнезе 1525 г. и в «*Moscovia nova Tabula*» Джакомо Гастальди 1548 г.). В создании карты Антона Вида 1542 г. (изд. в 1555 г., авторизованная копия в 1570 г. опубликована Ф. Ходендергом) принимал участие московский эмигрант, беглый окольный Иван Ляцкий. Важным этапом было издание в 1546 г. карты посетившего Московию имперского посла Сигизмунда Герберштейна. Кроме того, надо упомянуть атлас Европы Гейндриха Зелля 1536 г., *Tabula Moderna Sarmatia* «Космографии» Себастьяна Мюнстера 1538 г., *Nova Tabula Polonia et Ungaria* Бернарда Ваповского 1540 г., «*Rudimenta Cosmographica*» Хонтеруса 1542 г., карту мира Джакомо Гастальди 1546 г., карты Европы Каспара Вепеля 1566 г. и Герарда Меркатора 1554 и 1572 гг. и др.

графического триумфализма, размещения на картах аллегорических изображений Европы, Азии, Африки, Америки в виде молодых женщин, среди которых Европа – несомненная королева⁴³. На стилизованном рисунке в издании «Космографии» С. Мюнстера 1588 года Европа изображена в виде женщины, голова которой – Испания, плечи – Франция и Англия, грудь – Германия, руки – Дания и Италия, живот – Вандалия, Польша и Венгрия, ноги – Македония, Славония, Литва и Ливония, а на подоле платья размещены Греция, Болгария, Скифия, Московия и Татария. При этом Европа-королева попирает ногами Азию (см. ил. 2). В «Иконологии» Цезаре Рипы 1603 года художникам рекомендовалось рисовать Европу всегда в короне, «чтобы показать, что Европа всегда является главой и королевой всего сущего»⁴⁴.

Таким образом, европейская географическая мысль в XVI веке отнесла Московию к европейским странам, хотя и определила ее место в «бахроме» христианского мира⁴⁵. В то же

---

⁴³ *Wintle M. Renaissance Maps and the Construction of the Idea of Europe // Journal of Historical Geography. 1999. Vol. 25. № 2. P. 137–165.*

⁴⁴ *Pagden A. Europe: Conceptualizing a Continent // The Idea of Europe: From Antiquity to the European Union / Ed. by A. Pagden. Cambridge; Washington, 2002. P. 51.*

⁴⁵ Здесь любопытно сравнить описанное Э. Саидом сформировавшееся в Средневековье (XII–XIII вв.) представление европейцев о Востоке как «бахроме» (fringe) христианского мира и при этом – оплоте ересей. Ислам первоначально, как уже говорилось, воспринимался не как мировая религия, а как ересь. Сходно и отношение Запада к православию как к схизме, ереси. См.: *Said E. Op. cit. P. 60–61, 63.*

время уже прозвучали критические мнения, помещавшие Московию в Азию либо располагавшие ее частично в Европе, частично в Азии (например, это специально оговаривает Альберт Компьенский)⁴⁶. Подобная неопределенность была вызвана динамикой развития роли, приписываемой России в историческом сценарии Европы. А эта роль с начала до середины XVI века прошла в европейском сознании все вышеописанные этапы реализации модели открытия Европой чужого мира: познание, попытка вписать в аналоговый контекст (конец XV – середина XVI века), готовность включить в европейский мир (первая треть XVI века) и затем – осознание факта, что москвиты – «существенно другие», отторжение и однозначная дефиниция как неевропейского государства (вторая половина XVI века, время Ливонской войны).

«Услышав о московитах, я был настолько охвачен восторгом, что казался лишенным ума...», или Как Россию чуть не приняли в Европу

По замечанию С. Мунда, в XV веке земли восточнее Одера и Вислы представлялись Западу сказочным регионом, «пространством мечты», где пролегал путь трубадуров,

---

⁴⁶ Альберт Компьенский. О Московии // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы / Сост. О.Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 98.

странствующих рыцарей и купцов⁴⁷. Но и для земель к востоку от Одера и Вислы нашелся свой Колумб, правда, в облике кабинетного ученого. Краковский профессор Матвей Меховский видел свою миссию в том, чтобы совершить, пусть на бумаге, Великое географическое открытие для Европы Московии и ее соседей. Он писал: «Южные края и приморские народы вплоть до Индии открыты королем Португалии. Пусть же и северные края с народами, живущими у северного океана к востоку, открытые войсками короля Польского, станут известны миру»⁴⁸. Заявленные в 1517 году открытия польского исследователя были удивительными: например, он говорил, что Рифейских гор не существует. Это вызвало буквально взрыв эмоций у просвещенных европейцев. Известный деятель Реформации Ульрих фон Гуттен писал нюрнбергскому гуманисту Пиркгеймеру о потрясении, которое испытал, когда услышал, что Рифейских гор нет: «О, что за время! Как движутся умы, как цветет наука!»⁴⁹

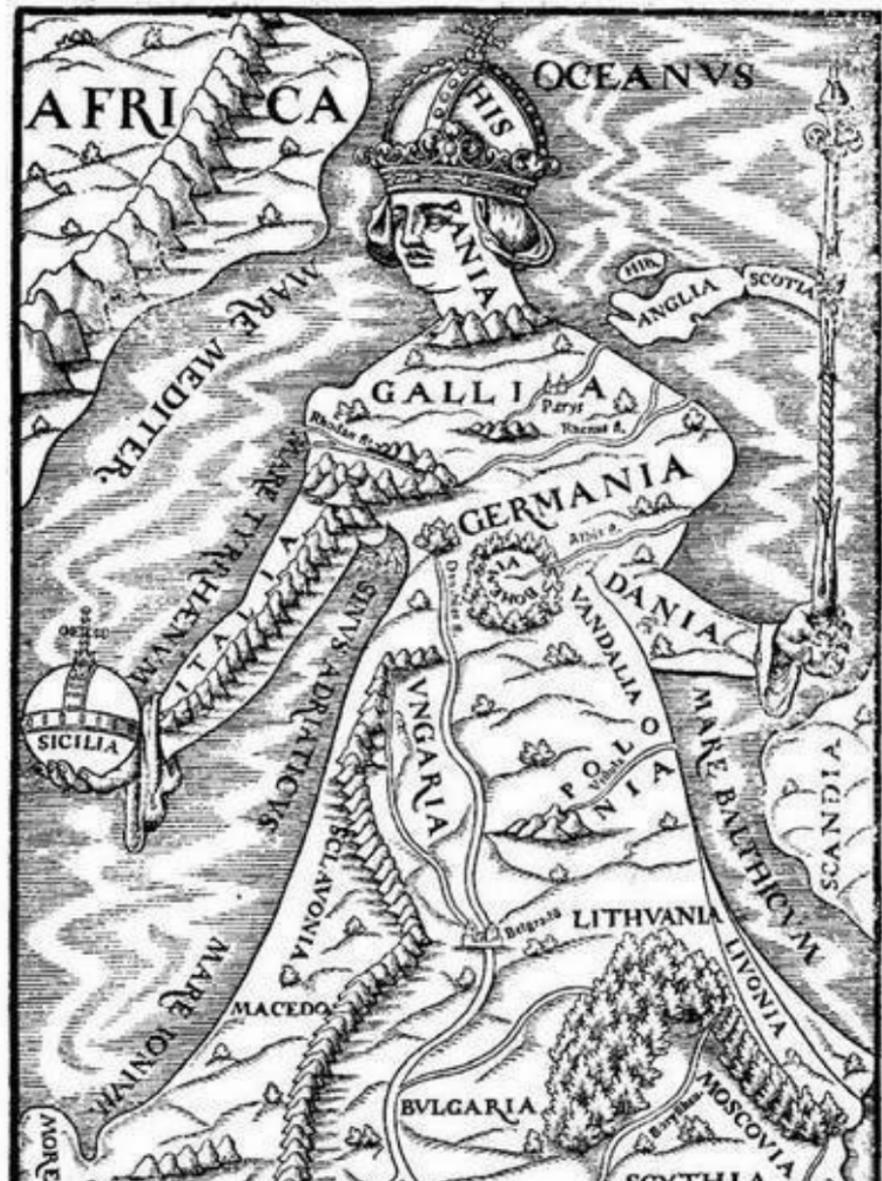
---

⁴⁷ *Mund S.* Op. cit. P. 42.

⁴⁸ *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях / Введ., пер. и коммент. С.А. Аннинского. М.; Д., 1936. С. 46.

⁴⁹ Цит. по: Там же. С. 36.

hernach angezeigt wird. Was aber Lands vber dem Mare Mediterraneum ligt gegen Africa
 Mittig hinauf/ das wird alles zugeschriben Africa/ vñ streckt sich gegen Orient hinauf
 begreift.

Иллюстрация 2. Europa Prima Pars Terrae in Forma Virginis. Воспроизводится по изданию: Biintings H. Itinerarium Sacrae Scripturae, 1592. Fig. 8 (библиотека Страхова монастыря, Прага)

В каком историческом контексте произошло открытие Европой России? Для Священной Римской империи это были трудные времена: в конце XV – начале XVI века усиливался кризис Ганзы, были частично потеряны Голштейн, Пруссия, Силезия, Богемия и Моравия, нарастало ожесточенное соперничество с Ягеллонами, к 1475 году из-за саботажа городов провалилась попытка реформы государственного устройства на основе реанимации франкской имперской модели. Нарастало федералистское движение, оппозиционность центральной власти князей и городов, а император, по образному выражению К. Лампрехта, «бродил из одной страны центральной Германии в другую, где свирепствовали междоусобия и взаимное недоверие»⁵⁰. Усиливалась турецкая угроза. В марте 1518 года империя и папа занялись созданием очередной антитурецкой коалиции, во главе кото-

---

⁵⁰ Лампрехт К. История германского народа. М., 1896. Т. 3. С. п. О роли императорской власти и попытках ее укрепления см.: Deutsche Reichstakten. Jüngere Reiche. Göttingen, 1962–1963. Bd. 1–3; Чуянов А.Ф. Рейхстаг и император Священной Римской империи Германской нации в первой половине XVI в. // Германская история эпохи Реформации: Исследования и документы. Вологда, 1993. С. 3–19.

рой предполагалось поставить польского короля Сигизмунда.

Особую окраску событиям придавала Реформация – вызов католическому миру. Последний явно проигрывал свои позиции в Европе протестантству, но искал способы компенсировать потери прихожан. Пошатнувшуюся гегемонию, провозглашенную в булле Бонифация VIII («мы провозглашаем, что в видах спасения римскому папе подчинено каждое человеческое существо»⁵¹), надо было реанимировать путем расширения сфер влияния. И восточные соседи были для этого идеальным потенциальным объектом.

В этих условиях и произошло открытие России, которое сопровождалось всплывшими в Европе надеждами на обновление и расширение католического мира через новую страну – Московию. Германский мир не принимал участия в открытии Нового Света, и поэтому проникновение на восток стало для Священной Римской империи *ее колониальной задачей и перспективой*, а Московия – *ее Новым Светом*. Контакты с русскими освещались светом высокой миссионерской цели – обратить москвитов в истинную, католическую веру.

Открытие Московии для европейцев выразилось в появлении в конце XV – начале XVI века целой серии сочинений, посвященных описанию России и предлагающих формы со-

---

⁵¹ *Бецольд* Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 3–4.

трудничества христианского мира с этой страной⁵². Альберт Компьенский с восторгом писал папе Клименту VII:

Если тот евангельский пастырь, подлинно великий Понтифик, наместником коего ты, Климент, являешься среди нас, с такой старательностью и заботливостью искал одну заблудившуюся овцу из ста... то кому непонятно, сколько усердия действительно должен приложить верховный пастырь Церкви, когда не одна из ста, но многие сотни заблудших душ желают

---

⁵² На обратном пути из Персии в 1474–1477 гг. венецианский посол Амброджо Контарини посетил Московию и опубликовал отчет об этой поездке в 1487 г. в Венеции под заголовком: «Questo e el viazo misier Ambrosio Contarin ambador de la illustrissima signoria de Venesia al signor Uxuncassam re de Persia» (переиздан в 1524 г.). Между 1488 и 1492 гг. Иосафат Барбаро написал «Путешествие в Тану» (издано в 1543 г.). В 1486 г. в миланской придворной канцелярии был записан рассказ московского посла, опубликованный только в 1957 г. В 1503 г. появилось «Подробное разъяснение о расположении, нравах и различиях скифского народа». В апреле 1514 г. на Латеранском соборе с докладом «О народах рутенов и их заблуждениях» выступил гнезненский архиепископ Ян Лаский. В 1517 г. в Кракове вышел уже упоминавшийся трактат Матвея Меховского «О двух Сарматиях», издававшийся до 1600 г. 23 раза. Посетивший Россию в 1518–1519 гг. имперский посол Франческо да Колло оставил записки, увидевшие свет только в 1603 г. В 1523–1525 гг. трактат о Московии на основе рассказов дипломатов и купцов создал Альберт Компьенский (в XVI в. издавался в 1543, 1559, 1564, 1574, 1583 гг.), в 1525 г. – Павел Йовий, чье произведение в XVI в. публиковалось в среднем раз в два года (в 1525–1600 гг. известно 30 изданий)! В 1525–1526 гг. вышло первое издание трактата Иоганна Фабри «Религия московитов, обитающих у Ледовитого моря» (переиздано в 1541 г. и частично вошло в сочинение Яна Лазицкого «О религии, жертвоприношениях, свадебном и похоронном обряде русских, московитов и татар», 1582 г.). Наиболее полный обзор сочинений о России европейцев эпохи Возрождения и их публикаций см. в монографии С. Мунда: *Mund S. Op. cit.* P. 45, 176–178.

возвратиться в стадо Христово? Вот почему не могу надивиться, о чем же думали предшественники Твоего Святейшества, которые доселе не обращали внимания на этот весьма многочисленный народ московитов.

Альберт представлял посрамление протестантов, воображая, как «народ дальней Скифии, почти что из другого мира, придет к послушанию Римской церкви, между тем как лютеране, неистовствуя и безумствуя, в злобе и умопомрачении восстали против достоинства и власти сей церкви». В случае обращения русских «мы найдем... выгоду более несомненную и славу более истинную и более христианскую, чем в том случае, когда бы мы оружием победили всех турок, всю Азию и, наконец, всю Африку... Благодаря же этому союзу с московитами многие сотни тысяч душ возвратились бы в стадо Христово без [употребления] оружия и [пролития] крови»⁵³.

Европейские авторы первой половины XVI века чуть ли не с благоговением описывали стремление московитов к святости и чистоте веры. Иоганн Фабри построил свой трактат на противопоставлении стереотипного взгляда и «истинного положения вещей»: начинается он со слов, что «едва ли какой другой народ доселе имел более худую славу в отношении религии». А затем приводит подлинную похвалу отношению московитов к вере: в отличие от европейцев они не допускают никаких ересей, благородно покровительствуют несчаст-

---

⁵³ Альберт Компъенский. Указ. соч. С. 96–97.

ному и бессильному константинопольскому патриарху, если кто-то не ходит на исповедь, «того предают анафеме, и все гнушаются общения с ним до такой степени, что не позволяют входить в храм»⁵⁴.

Фабри так описывал свои впечатления от знакомства с благочестием православной Московии: «Услыхав об этом, мы были так потрясены, что, охваченные восторгом, казались лишенными ума, поскольку сравнение наших христиан с ними в делах, касающихся христианской религии, производило весьма невыгодное впечатление»⁵⁵. Альберт Компъенский говорил о русских: «Во многом они, как кажется, лучше нас следуют Евангелию Христа»⁵⁶. Он писал о московитском государе:

Хотя мы считали его схизматиком и почти язычником и много раз выступали против него с оружием, тем не менее в деле спасения нашего и Христианской церкви он выказал себя в большей мере христианином, чем наши государи, которые похваляются титулами христианских, католических и защитников веры... Этот схизматик так радеет о нашем спасении, что отправил того, который должен пробудить нас (посла с предложением антитурецкого союза. – А.Ф.), словно погруженных в летаргический

---

⁵⁴ Фабри И. Религия московитов, [обитающих] у Ледовитого моря // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. С. 172, 181, 191, 193, 201.

⁵⁵ Там же. С. 194.

⁵⁶ Альберт Компъенский. Указ. соч. С. 107.

сон, и убедить иной раз вспоминать о собственном спасении и, наконец, позаботиться о наших делах... Более того, сей государь, которого мы вправе были опасаться как смертельного врага, предлагает в нашу защиту себя и весь народ свой. А наши христианские государи совершенно не думают о том, как оказать помощь христианскому миру, который они сами своими раздорами погубили... поэтому если оценивать прежде всего по делам, а не по обманчивым титулам, то окажется, что он [московит] является воистину христианским государем, а наши с их пышными титулами будут признаны хуже язычников и схизматиков⁵⁷.

По верному замечанию О.Ф. Кудрявцева, «Русь, не знающая тяжелых религиозных потрясений, свято чтущая церковную традицию, та самая Русь, в православном населении которой доселе видели схизматиков и вероотступников, теперь представлялась чуть ли не последним оплотом истинного христианства»⁵⁸. Обращение русских правителей под пе-

---

⁵⁷ Там же. С. 110–111.

⁵⁸ *Кудрявцев О.Ф.* Жизнь за царя: Русские в восприятии европейцев первой половины XVI в. // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. С. 10. Хотя стоит заметить, что отношение Ватикана к Московии было не всегда столь однозначным и это было связано с неприятием Москвой Флорентийской унии, отчего московиты попадали в разряд схизматиков – врагов христианского мира. В 1496 г. папа Александр I разрешил призыв к Крестовому походу против русских, в 1498 г. папа Иннокентий VIII направил в Литву, Ливонию, Пруссию, Швецию и Данию буллу с обещанием отпущения грехов всем участникам войны против схизматиков-русских. Подробнее см.: *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 195.

ром европейских авторов напоминало сюжеты из святоотеческой литературы и житий святых, повествующие о внезапном прозрении недавних нечестивцев.

Описание Московии у авторов первой половины XVI века отражает целый ряд западных стереотипов, принятых при изображении чужого мира. Во-первых, это мир закрытый, замкнутый, в отличие от европейской открытости – общим местом во многих сочинениях является рассказ о «затворенности» Московии, в которую невозможно попасть без дозволения русских⁵⁹. Во-вторых, это мир сильной государственной власти, москвиты безоговорочно повинуются своему правителю, даже в таких «трудных» вопросах, как отказ от пьянства⁶⁰. Франческо да Колло утверждал, что русскому государю все настолько преданы, «что если он прикажет кому пойти и повеситься, бедняга не усомнится немедленно подвергнуть себя таковому наказанию»⁶¹. Преданность русских государю достигает прямо-таки мусульманских масштабов: «Нет другого народа, более послушного своему императору, ничего не почитающего более достойным и более славным

---

⁵⁹ Альберт Компъенский. Указ. соч. С. 106; Франческо да Колло. Доношение о Московии / Пер. и вступ. С. О. Симчич. М., 1996. С. 58. См. также: *Mund S.* Op. cit. P. 160.

⁶⁰ Альберт Компъенский. Указ. соч. С. 106; ср.: Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини о России: К истории итальяно-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 158, 228, 229; Фабри И. Указ. соч. С. 177.

⁶¹ Франческо да Колло. Указ. соч. С. 58. Другие подобные примеры см.: *Mund S.* Op. cit. P. 121–122.

для мужа, нежели умереть за своего государя. Ибо они справедливо полагают, что так они удостоятся бессмертия»⁶². В первой половине XVI века при сравнении с европейской анархией такое послушание властям вызывало умиление и восхищение. Во второй половине XVI века это же назовут бесчеловечной тиранией.

В-третьих, русские рисуются как люди, сохранившие первобытную чистоту и простоту нравов: «У них считается великим и ужасным злодеянием обманывать и обделять друг друга, прелюбодейство, разврат и распутство редко встречаются в их среде. Противоестественные пороки им совершенно неизвестны, о клятвопреступлениях и богохульствах у них не слышать»⁶³. Необычайно развито почитание родителей. Русские целомудренны и свято чтут обеты, «гнушаются прелюбодейства, пожалуй, в большей степени, нежели мы»⁶⁴. Правда, уже в данных сочинениях возникает дискурс необычайной сексуальной уступчивости русских женщин иностранцам, описанный Л. Вульфом применительно к XVIII веку как чисто колониальное явление⁶⁵.

---

⁶² Фабри И. Указ. соч. С. 178.

⁶³ Альберт Компьенский. Указ. соч. С. 107. Интересно, что почти в этих же выражениях описывали и татар: они «не воруют и не терпят воров в своей среде... хитры и вероломны с чужими, но между собою и со своими весьма честны» (Меховский М. Указ. соч. С. 60).

⁶⁴ Фабри И. Указ. соч. С. 185, 192.

⁶⁵ Йовий П. Книга о московитском посольстве // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. С. 285: «Впрочем, даже иностранец может легко и

Фабри помещает целый панегирик нравам «рутенгов» в сравнении с загнивающим германским миром:

Ибо где у [рутенгов] обнаруживается корень жизни, там наши немцы скорее находят смерть; если те – Евангелие Божие, то эти воистину злобу людскую укоренили; те преданы постам, эти же – чревоугодию; те ведут жизнь строгую, эти же – изнеженную; они используют брак для [сохранения] непорочности, наши же немцы совсем негоже – для [удовлетворения] похоти; и не вызывает никакого сомнения то, что если у них [совершение] таинств уничтожает бремя грехов, то, к прискорбию, у наших пренебрежение таинствами увеличивает это бремя. Что касается государства, то те привержены аристократии, наши же предпочитают, чтобы все превратилось в демократию и олигархию⁶⁶.

О.Ф. Кудрявцев объясняет, по всей видимости справедливо, подобную идеализацию нравов и противопоставление чистоты туземцев порокам европейского общества влиянием колониальных дискурсов, связанных с открытием Нового Света. Он отмечает, что во многих трактатах о Московии

за небольшое вознаграждение склонить к любовным утехам всякую женщину из простонародья»; *Франческо да Колло*. Указ. соч. С. 66: «В городе Московии некоторые из наших купили нескольких молоденьких девиц от пятнадцати до восемнадцати лет, поистине прекрасных, для своего употребления и удовольствия... [их] не могут вывозить из страны, но могут только держать для всяческого употребления» – ср. прямые аналогии в описании восточноевропейского феминного дискурса в сочинениях иностранцев XVIII в.: *Вульф Л.* Указ. соч. С. 98–148.

⁶⁶ Фабри И. Указ. соч. С. 202.

первой половины XVI века их авторы описывали не реальные нравы москвитов, а в первую очередь те устои, которые хотели бы видеть у себя дома⁶⁷.

Это противопоставление особенностей жизни в Европе и России проявилось и в том, что облик Московии авторы эпохи Возрождения рисовали по принципу «антимира», Зазеркалья. Здесь строятся деревянные, а не каменные строения, как принято на Западе⁶⁸. Мало городов и замков, зато обширные леса. Фрукты почти не родятся, так как «истребляются весьма холодным дуновением Борея», зато больше всего дохода дают насекомые – пчелы⁶⁹. Невозданная природа Московии иной раз дает такое изобилие, что с ним приходится бороться⁷⁰. Мороз и снег, которые в Европе считались препятствием к передвижению, в Московии, наоборот, спасительны, ибо быстро ехать можно только по руслам замерзших рек, являющихся лучшими – и чуть ли не единственными (!) дорогами в этой стране. Да Колло писал: «Имеют сии страны зерна и фуража безмерно, несмотря на то что земля покрыта снегом почти девять месяцев в году»⁷¹. В период холодов у русских, казалось, должна останавливаться жизнь:

---

⁶⁷ Кудрявцев О.Ф. Указ. соч. С. 17–18.

⁶⁸ Франческо да Колло. Указ. соч. С. 58.

⁶⁹ Йовий П. Указ. соч. С. 277; ср.: Мюнстер С. VI книг всеобщей космографии. Книга III. О Польше. Русь // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. С. 336–337.

⁷⁰ Там же. С. 332.

⁷¹ Франческо да Колло. Указ. соч. С. 60.

даже покойников замораживают в гробах, так как их невозможно похоронить до весны. Однако многие авторы с удивлением отмечают, что зима является для москвитов временем интенсивной экономической жизни и социальной активности.

Подобное восприятие было подготовлено особенностями самого пути из Европы в Россию – десятки километров по безлюдной дикой местности, с редкими бедными селениями, без дорог, через неосвоенные леса и реки без мостов. Нередко даже самим послам приходилось принимать участие в прокладке пути, толкании саней, обороне от диких животных и грабителей и т. д. То есть европейцу, чтобы попасть в Россию, в XV–XVI веках надо было совершить подвиг путешественника, пережить приключение. Поездка в Московию в XVI веке считалась тяжким жизненным испытанием и даже Божьим наказанием, которого стоит избегать⁷². Поэтому и возникало ощущение попадания в совсем другой мир.

Образ другого мира в сознании человека эпохи Возрождения и Великих географических открытий был неразрывно связан с представлениями о чудесах. И сочинения о Московии не стали исключением. По словам Йовия, «в Новгороде царит почти вечная зима и тьма весьма продолжительных ночей, ибо этот город видит Северный полюс... говорят, что в силу этого положения во время солнцестояния вследствие кратких ночей там стоит почти непрерывный солнеч-

---

⁷² Примеры см.: *Mund S. Op. cit.* P. 74, 111–115, 169.

ный жар и зной»⁷³. Для создания социальных легенд привлекалась античная традиция: например, Себастиан Мюнстер писал о том, что в центре Москвы находится форум, «в середине форума есть квадратный камень; если кто-нибудь на него заберется и его оттуда не смогут силой сбросить, он обладает властью над городом»⁷⁴. Возникали сказания о дикарях, живущих еще восточнее или севернее русских, – например, миф о пигмеях. Они живут в стране, окутанной глубоким мраком, «когда они достигают полного развития, то своими размерами едва превосходят нашего десятилетнего мальчика. Эти люди боязливы, свою речь выражают щебетанием; так что они, по-видимому, столь же близки к обезьяне, сколь своими ростом и чувствами далеки от человека надлежащих размеров»⁷⁵.

В произведениях, посвященных открытию Московии, часто фигурируют чисто колониальные образы странствующего рыцаря, купца, путешественника. Колониализм мышления авторов, оставивших описание России, проявился в перечислении туземных товаров, которые можно вывозить. Если для Индии это пряности, для России это прежде всего пушнина и прочие дары природы – воск, сало, мед и т. д.⁷⁶

---

⁷³ Йовий П. Указ. соч. С. 274.

⁷⁴ Мюнстер С. Указ. соч. С. 333.

⁷⁵ Йовий П. Указ. соч. С. 269.

⁷⁶ Фабри И. Указ. соч. С. 180. Интересно, что, говоря о перспективах торговли в России, Павел Йовий вспоминает пример именно из истории колониального проникновения в Индию и очень озабочен вопросом, насколько далеко от

Да и описания самих сделок в Московии очень напоминают контакты конквистадоров с индейцами в Новом Свете: авторы с восторгом говорят об обмене простодушными русскими на обычный железный топор столько соболиных шкур, сколько пролезет в отверстие, в которое насаживается топором⁷⁷.

Колониализм в отношении России очень рано проявлялся и в синдроме «культурного наставника». Павел Йовий особенно подчеркивал стремление и способность москвитов учиться, описывая русского, который, посетив двор царя Максимилиана, «вращаясь при его дворе, наполненном людьми всякого рода, и наблюдая утонченные нравы... очистил свой спокойный и восприимчивый ум от всего, что в нем было варварского»⁷⁸. Европейцы были убеждены в готовности русских принять «правильную религию» и влить-

---

«скифских берегов» находится «г. Китай» (Йовий П. Указ. соч. С. 259, 270; ср.: Франческо да Колло. Указ. соч. С. 59). Сравнение с Индией содержится и в труде Яна Лаского (1514), причем именно в колониальном аспекте: «подобно тому, как Индии приносят славу благовония, так меха и пушнина, которыми изобилует эта область и доставляет по всему миру, прославляют Московию и приносят золото и богатство ей и самому властительному князю» (Ян Лаский. О племенах рутенов и их заблуждениях // Акты исторические, относящиеся до России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. СПб., 1841 (= *Historica Russiae Monumenta*. № СХХIII). Т. 1. С. 124–125). Перевод сочинения Яна Лаского выполнен В.Ю. Мартыновичем в рамках дипломной работы «Русско-литовские отношения в первой трети XVI века», защищенной под моим руководством в 1998 г. в Воронежском государственном университете.

⁷⁷ Йовий П. Указ. соч. С. 278.

⁷⁸ Там же. С. 258.

ся в католический мир⁷⁹. Оснований для подобной уверенности было не больше, чем в свое время для веры в готовность монголов принять христианство, но, как и в XIII веке, мнение о стремлении москвитов в лоно католицизма стало истиной, не подлежащей сомнению.

Вышеописанные процессы в европейской мысли первой половины XVI века очень сходны с тем, что Р. Шваб и вслед за ним Э. Саид описывают как «Восточное возрождение Европы» – появление идеи «возрождения» (regeneration) Европы от Азии⁸⁰. Работы Фабри, Йовия, Альберта Компьенского и других также могут быть охарактеризованы как выражение идеи «русского возрождения» Европы через Россию.

Западные мыслители и политики, стремясь вовлечь Московию в унию⁸¹, считали, что судьба России в случае пренебрежения Западом ее стремлением принять истинную ве-

---

⁷⁹ Анализ слухов об этом, муссировавших в Европе, см.: *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 178–185, 190, 198, 199, 207, 208.

⁸⁰ *Said E.* Op. cit. P. 115; подробнее см.: *Schwab R.* Renaissance Orientale. Paris, 1950.

⁸¹ Обзор истории этих попыток в конце XV – первой трети XVI в. см.: *Шмурло Е.Ф.* Россия и Италия: Сборник исторических материалов и исследований, касающихся отношений России с Италией. СПб., 1907. Т. 1. Вып. 1; СПб., 1911. Т. 1. Вып. 2. С. 115–212; *Пирлинг О.* Россия и папский престол. М., 1912. Кн. I; *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 101–130, 176–195; *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 300–322; *Базилевич К.В.* Указ. соч. С. 67–81; 211–248; *Синицына Н.В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998. С. 89–120.

ру в какой-то степени повторит путь монголов. Как монголы предпочли отказаться от христианства, приняли ислам и стали врагами Европы, так и если «государь Московии окажется пренебрежительно отвергнутым всеми нашими государями, но не будет отвергнут нашими врагами, ибо нет никакого сомнения, что турки используют все возможности, дабы привлечь его на свою сторону или в союзники для войны с нами такого великого государя»⁸².

Почему Россию все же не приняли в Европу?

Восхищение русскими сменилось резким охлаждением уже к середине XVI века. Причиной этого, было, видимо, упорное нежелание России принять унию и тем самым влиться в европейский католический мир, что вызвало переход к следующей ступени западной модели отношения к «другим» – наступило осознание того, что московиты – «существенно чужие».

Данный тезис даже стал обрастать своими легендами: будто бы русские государи неоднократно обращались к папе и императору с просьбой о союзе и унии, но все испортила алчность римского папы, который «потребовал от них огромнейшей ежегодной дани, по его словам, как знак и подтверждение их покорности, не знаю уж какие десятины и анна-

---

⁸² Альберт Компъенский. Указ. соч. С. 115.

ты». Московиты и передумали обращаться, решив, что в Ватикане «домогаются не спасения душ или славы Христовой, но лишь имущества всех народов»⁸³. Римскую церковь считает виновницей срыва унии и Фабри, который идет столь далеко, что утверждает, что готовность к обращению демонстрируют не только московиты, но и их соседи – и татары, и магометане⁸⁴.

Москву мало интересовали «турецкие проблемы» европейских стран, равно как и судьбы католической церкви. Она шла на переговоры, преследуя свою выгоду, надеясь на помощь Рима и императора в противостоянии с Ягеллонами. Возможно, если бы проекты русско-германских антиягеллонских коалиций конца XV – первой половины XVI века оказались реализованными, восточноевропейский мир приобрел бы иную геополитическую конфигурацию (сильные Священная Римская империя и Россия при ослабленных или вообще расчлененных Польше и Литве). И тогда по-другому бы пошла история противостояния этой новой геополитической реальности мусульманскому миру и роль Москвы могла бы быть более весомой и соответствующей ожиданиям Запада.

Но папа и император предпочли не конфронтацию, а договоры с Ягеллонами, «не сдали» Москве Польшу и Литву. Последние же приложили максимум усилий для дискреди-

---

⁸³ Там же. С. 108.

⁸⁴ Фабри И. Указ. соч. С. 199, 200.

тации Московии в глазах Запада, а поскольку Польша, как непосредственный сосед Руси, выступала для Европы главным поставщиком информации о москвичах, то противостоять антирусским идеям было трудно. Тем более что поляки искусно муссировали наиболее болезненные слухи о русских, намекая, что они на самом деле не подлинные христиане. Гнезненский архиепископ Ян Лаский по поручению короля Сигизмунда в 1514 году сделал об этом специальный доклад на Латеранском соборе. Разоблачая «заблуждения» религии рутенов, он наделял ее чертами варварских, чуть ли не языческих суеверий:

...в день Святого Богоявления вместо церковного источника используют, пока могут, быстротекущие реки для крещения младенцев вместо Иордана, и если какой ребенок при погружении умирает от холода или выскальзывает из рук и захлебывается, то о нем говорят, что будто он взят Ангелом на небо, и утверждается, что мир недостойн его присутствия... священнику для очищения совести с женою сожительствующей и желающей обвенчаться, достаточно того, что он обольет себя некоей заквашенной водой от макушки головы до подошвы ног... по совершении похорон их священники приказывают поцеловать могилу, а после самих похорон пируют, поедая некую кашу, благословленную самим священником... их священники впадают в неправедность, когда убивают воробья или какую-либо птицу, и они не прежде достигнут праведности, пока

эта птица не сгниет совершенно у них под мышками. Таково у них наказание, которое не бывает столь суровым, если кто убьет христианина...

Именно поляки в XVI веке усердно распространяли легенды о природной вражде русских по отношению к католикам-христианам (московит «...заслуживает признательности и достигает отпущения грехов, если кто убьет католика римского исповедания»)⁸⁵. И такая пропаганда, особенно подтвержденная событиями Ливонской войны, имела успех.

Йовий видел причину охлаждения русско-европейских отношений в происках Польши, когда в Риме, не подумав, поддержали торжества короля Сигизмунда в честь победы польско-литовских войск над московитами под Оршей в 1514 году: «по этому поводу установлены были благодарственные молебствия, как будто были побеждены и перебиты враги имени Христова»⁸⁶. Война с Василием III и особенно победа под Оршей преподносилась польской публицистикой чуть ли не как спасение христианского мира от нашествия новых варваров, живым щитом против которых выступила самая восточная католическая держава и король Сигизмунд⁸⁷.

---

⁸⁵ Ян Лаский. Указ. соч. С. 126–127.

⁸⁶ Йовий П. Указ. соч. С. 261.

⁸⁷ Речь идет о произведениях: *Wapowski D. De bello a Sigismundo I, rege Poloniae, contra Moscos gesto. Romae, 1508*; *Idem. Panegyris seu Carmen elegiacum in victoriam Sigismundi I, Regis, de Moscis. Romae, 1515*; *Dantyszek J. De clade Moscorum. Romae, 1515*; *Epistola Pisonis ad Ioannem Coritium de conflictu*

Именно поляки в противовес итальянскому и немецкому восхищению чистотой нравов москвитов писали, что русские – грязные, дикие, нецивилизованные варвары, склонные к насилию и поэтому опасные для высокоразвитых народов: «...когда знатные и богатые начинают пировать, то сидят с полудня до полуночи, непрерывно наполняя брюхо пищей и питьем; встают из-за стола, когда велит природа, чтобы облегчиться, и затем снова и снова жрут до рвоты, до потери рассудка и чувства, когда уже не могут отличить голову от зада». Поляки обличали перед Западом московско-татарский «обычай» продавать людей в рабство⁸⁸, пропагандировали идею, что москвиты в культурном и политическом отношении гораздо ближе к туркам, азиатам, чем к цивилизованной Европе⁸⁹. И хотя в XVI веке еще неоднократно переиздавались сочинения и Йовия, и Фабри, и Альберта Компьенского, в восприятии москвитов верх явно начала одерживать «скептическая школа», заложенная Бернардом Вавовским, Яном Ласким, Матвеем Меховским и др.

В 1549 году в Вене вышло первое издание «Записок о Московии» Сигизмунда Герберштейна, задавшего, по выражению А.Л. Хорошкевич, идеальные «тип и форму повест-

---

Polonorum et Litanorum cum Moscovitis. Romae, 1515. Анализ этих сочинений см.: *Траля И.* Мотивы «оршанского триумфа» в ягеллонской пропаганде // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. Чтения памяти В.Б. Кобрин. М., 1992. С. 46–50.

⁸⁸ *Меховский М.* Указ. соч. С. 112.

⁸⁹ Подробнее см.: *Klug E.* Op. cit. S. 265–289.

вованя о России»⁹⁰. Это сочинение во второй половине XVI века выходило в среднем раз в два года, известно 22 издания⁹¹. Оно во многом оказалось переломным в европейских оценках восточноевропейских земель. Под пером Герберштейна вместо «подлинных христианских государей» русские правители предстали перед западным читателем скопищем всех человеческих пороков, воистину «антиправителями»: они хитры, лицемерны, вероломны, воинственны, все время ищут повода к нападению на соседей, жестоки к побежденным. Раньше их власть над подданными вызывала умиление и одобрение, теперь же она названа «жестоким рабством»⁹². Повествование Герберштейна наполнено примерами преступлений московских государей, совершенных ими для захвата, укрепления власти или даже без повода, как проявление тирании. Московиты склонны к убийствам, насилиям, грабежам. «Все они называют себя холопами, то есть рабами государя... Этот народ находит больше удоволь-

---

⁹⁰ *Хорошкевич А.Л.* Сигизмунд Герберштейн и его «Записки о Московии» // Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. А.И. Малеина и А.В. Назаренко, вступ. ст. А.Л. Хорошкевич. М., 1988. С. 45.

⁹¹ *Mund S.* Op. cit. P. 358.

⁹² «Всех одинаково гнетет он (Василий III. – А.Ф.) жестоким рабством... Свою власть он применяет к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно по своей воле жизнью и имуществом каждого... Трудно понять, то ли народ по своей грубости нуждается в государе-тиране, то ли от тирании государя сам народ становится таким грубым, бесчувственным и жестоким» (*Герберштейн С.* Указ. соч. С. 72, 74).

ствия в рабстве, чем в свободе»⁹³.

Герберштейн одним из первых объединил «русскую» и «турецкую» опасности, «зарифмовал» эти народы как природных врагов Европы. По утверждению имперского посла, за раскол церкви русские ненавидят католиков «более, чем даже магометан». Причем в своей ксенофобии по отношению к Западу русские ближе к мусульманам: «Кто ел с латинянами, зная об этом, должен быть очищен очистительными молитвами». Даже святые у православия и ислама могут быть общими (легенда о молитве св. Николаю одновременно русского и татарского воинов)⁹⁴. Герберштейн уверенно поместил Москву в Азию, отказав ей в европейской локализации, которую он счел недоразумением: «Если провести прямую линию от устья Танаиса к его истокам, то окажется, что Москва расположена в Азии, а не в Европе»⁹⁵.

Очень много внимания Герберштейн уделил описаниям повседневной морали московитов. Если до него писали о верности русских своему слову и нерушимости клятвы, то теперь имперский посол утверждал: «Как только они начинают клясться и божиться, знай, что тут сейчас же кроется коварство, ибо клянутся они с намерением провести и обмануть»⁹⁶. Если более ранние авторы умилялись чистоте нра-

---

⁹³ Там же. С. 112.

⁹⁴ Там же. С. 78, 92, 95, 104, 116.

⁹⁵ Там же. С. 138.

⁹⁶ Там же. С. 127, 133.

вов, то теперь живописуется такое количество сексуальных запретов и наказаний за проступки в сфере интимной жизни⁹⁷, что ни о какой высокой нравственности русских речь идти просто не может. Описание сексуальной морали русских меняется и в других произведениях второй половины XVI века: о целомудрии больше не вспоминается, напротив, в почти каждом сочинении теперь говорится, что «этот народ весьма расположен к Венериним [утехам] и весьма привержен к пьянству: последнее считается похвальным, первое – дозволительным...»⁹⁸. Признаком супружеской любви у московитов, вопреки обычаям всех других народов, является избиение мужем жены⁹⁹. Разоблачение русского пьянства становится общим местом многих сочинений¹⁰⁰. Кроме того, теперь иностранцы со вкусом описывают дикость московских нравов в отношении гигиены (не моют рук перед

---

⁹⁷ Там же. С. 93–98, 107, 111.

⁹⁸ *Мюнстер С.* Указ. соч. С. 334; *Mund S.* Op. cit. P. 126–128, 260, 263.

⁹⁹ «Есть в Москве один немецкий кузнец, по имени Иордан, который женился на русской. Прожив некоторое время с мужем, она как-то раз ласково обратилась к нему со следующими словами: „Дражайший супруг, почему ты меня не любишь?“ Муж ответил: „Да, я сильно люблю тебя“. „Но у меня нет еще, – говорит жена, – знаков любви“. Муж стал расспрашивать, каких знаков ей надобно, на что жена отвечала: „Ты ни разу меня не ударил“. „Побои, – ответил муж, – разумеется, не казались мне знаками любви, но в этом отношении я не отстану“. Таким образом, немного спустя он весьма крепко побил ее и признавался мне, что после этого жена ухаживала за ним с гораздо большей любовью. В этом занятии он упражнялся затем очень часто и в нашу бытность в Московии сломал ей, наконец, шею и ноги» (*Герберштейн С.* Указ. соч. С. 112).

¹⁰⁰ *Mund S.* Op. cit. P. 454.

едой, крайне неопрятны, не используют ножей и вилок, а, как дикари, едят руками) и приготовления пищи (как заметил Тирбервилль, русским все равно, как приготовлено мясо, было бы побольше водки)¹⁰¹.

Если раньше авторы писали о том, что московиты могли бы выступить образцом поведения для европейцев, то теперь, наоборот, иностранцы изображаются несравнимо выше русских. Все иностранные авторы отмечали особое влияние на Грозного англичан и немцев¹⁰². Причиной «затворения» России, по Барберини, является боязнь русских показать себя слабее иноземцев. В качестве примера он приводит легенду, как на судебном поединке некий литовец хитростью победил тяжеловооруженного русского воина, бросив ему в глаза горсть песка. «С той поры не дозволено уже иностранцам вступать в сражения с москвитянами»¹⁰³.

Герберштейн высказал уверенность в привилегированном положении в России иноземцев и их судьбоносной роли в важных событиях внутренней русской истории¹⁰⁴. Этот тезис

---

¹⁰¹ Ibid. P. 129.

¹⁰² Примеры см.: *Rappeler A. Ivan Grozny im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes.* Frankfurt a.M., 1972. S. 178–179.

¹⁰³ *Барберини P. Путешествие в Московию // Любич-Романович В. Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках.* СПб., 1843. С. 23.

¹⁰⁴ Например, рассказ о немце-пушкаре, который чуть ли не в одиночку отражает нашествие крымских татар, в то время как почти все русские утратили присутствие духа и даже жалуются татарам, что это не они стреляют во врага, а самовольствующий «немец». См.: *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 174–175.

был с готовностью подхвачен многими европейскими авто-рами. По Одеборну, Грозный особенно любил и чтит немцев, давал им в своей стране важные государственные по-сты и доходные должности. Это и понятно, потому что об-разованные и культурные немцы – это не московские бояре, «Kühehirten», «пастухи коров», «пастухи, ужасные нравами и продажные». Московиты пытаются подражать немцам, но ничего у них не выйдет: «это противно их натуре»¹⁰⁵. Рус-ская элита может сформироваться только как иностранная, что прекрасно понимает даже сам царь, считающий себя не русским, а немцем¹⁰⁶. В этих идеях проявилась дискурсив-

---

¹⁰⁵ Цит. по: *Полосин И.И.* Немецкий пастор Одеборн и его памфлет об Иване Грозном (1585) // Полосин И.И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII в.: Сборник статей. М., 1963. С. 212–213.

¹⁰⁶ Проблему идентификации Московии европейской мыслью в позднее Сред-невековье нельзя рассматривать узко, как это часто делается, только в аспекте «Россия глазами иностранцев». Подобные исследования сводятся либо к эмпи-рическим описаниям – пересказам иноязычных трактатов (например: *Бочкарев В.Н.* Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям современников-ино-странцев. Пг., 1914; *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Русском государ-стве. М., 1993: *Mund S.* Op. cit.): либо к иллюстрированию оценочных концеп-ций, посвященных обличению темных нравов русского Средневековья, и крити-ке клеветнических измышлений иноземцев (*Pipes R.* Introduction // *Fletcher G.* Of the Russian Commonwealth 1591 / Ed. by J.V.A. Fine and R. Pipes. Cambridge, 1966. P. 7–23; *Рое М.* A People Born to Slavery: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Ithaca, 2000). Определенная попытка понять проис-хождение информации и идей, содержащихся в иностранных описаниях России XVI–XVII вв., была предпринята в интересной работе: *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа: XII–XVII вв. М., 1973. Однако, к сожа-лению, исследование Алпатова оказалось в значительной мере посвящено тек-

ная практика европейца XVI века, основанная как на колониальном дискурсе, так и на уверенности в «ученичестве» других народов перед «христианским миром».

Во второй половине XVI века для европейского сознания московиты однозначно стали «существенно другими». Произошла трансформация колониального дискурса: по мысли М.-Л. Пелю, развитой С. Мундом, Россия оказалась значительно отличающейся от Нового Света. Их нельзя было дальше пытаться мерить одной меркой¹⁰⁷. Чем больше Европа узнавала подробности из истории Московии, тем больше воспринимала ее не по аналогии со странами, ставшими известными в эпоху Великих географических открытий, а как историческую преемницу татар. И если Русь, ощущавшая себя покорительницей Орды, видела себя перешагнувшей через владычество ханов и достигшей собственной мощи и величия *через* унижение и порабощение былых господ, то европейцы расценивали эти победы над Ордой и татарскими ханствами как то, что Россия заняла их место, является преемницей татарской политической культуры. Европейские современники первого русского царя полагали, что причиной необычайной гордыни Ивана IV, его заносчивости перед иностранными монархами было самоощущение русского ве-

---

стологическим и источниковедческим сюжетам и в незначительной степени затронуло проблему континуитета идей в осмыслении в Европе «русской темы».

¹⁰⁷ *Mund. S. Op. cit. P. 464.*

ликого князя как предводителя народа – победителя татар¹⁰⁸. А от связи татар и московитов было недалеко до их сближения с грозой Европы – турками... Отсюда Московия на европейской ментальной карте мира все определеннее оказывалась в азиатском контексте.

Потенциально европейскую страну, так и не ставшую, несмотря на все попытки, частью европейского мира, теперь относили к «антимиру». На примере истории Московии показывалось, что не надо делать европейцам, что такое неевропейское поведение. Сущность своего, христианского мира европейские авторы раскрывали через описание неевропейских, отрицательных качеств у своих соседей и антагонистов – прежде всего турок, а со второй половины XVI века и московитов. Этот культурный механизм оказался столь эффективным и востребованным Европой, что применительно к XVI–XVII векам можно повторить мысль Л. Вульфа (которую он высказал для эпохи Просвещения), что, если бы России не было, Западу ее следовало бы выдумать¹⁰⁹.

В годы Ливонской войны в ментальный мир Запада произошел массовый выброс разоблачительных и антимосковских сочинений, самыми черными красками рисующих и русских, и их страну, и их правителей, и их агрессию против маленькой беззащитной Ливонии¹¹⁰. Немецкие и польские

---

¹⁰⁸ *Rappeler A.* Op. cit. S. 155.

¹⁰⁹ *Вульф Л.* Указ. соч. С. 14.

¹¹⁰ Обзор этих произведений и их перечни см.: *Schottenloher K.* Flugblatt

публицисты грозили, что Россия не ограничится Ливонией и пойдет дальше на Запад, как Турция, и не остановится, пока не поработит всю Европу. Возникла концепция «Священной войны» христианских держав против варваров-москвитов. Западные сочинения полны описаниями бедствий «новых христианских мучеников», пострадавших от русских гонителей. «Хорошие» москвиты под пером иностранных авторов обязательно дружат с иноземцами и устраивают тайные заговоры против своих правителей. Среди рекомендаций, как обращаться с такой страной, теперь появляется мотив завоевания: для исправления русских их необходимо подчинить цивилизованному западному господству (например, «План превращения Московии в имперскую провинцию» Генриха Штадена 1578 года). Со второй половины XVI века в исторической памяти Европы применительно к России господствует образ «тирана Васильевича», ставшего эталоном кровавого и жестокого правителя для всех последующих времен. Как отметил А. Каппелер, оценка роли личности и деяний Ивана IV с XVI века по наши дни образует «нерв» русской истории¹¹¹.

---

und Zeitung. Ein Wegweiser durch das gedruckte Tageschrifttum. Berlin, 1922 (= Bibliothek für Kunst- und Antiquitätensammler. T. 21). S. 59-261; *Rappeler A.* Op. cit. S. 65, 96-97, 253-258; *Ott T.* "Livonia est propugnaculum Imperii": Eine Studie zur Schilderung und Wahrnehmung des Livländischen Krieges (1558-1582/83) nach den deutschen und lateinischen Flugschriften der Zeit. München, 1996 (= Osteuropa-Institut München: Mitteilungen 16/1996). S. 71-75; *MundS.* Op. cit. P. 340-349.

¹¹¹ *Rappeler A.* Op. cit. S. 9.

Семена критики и разоблачения Московии в произведениях, порожденных Ливонской войной, упали на благодатную почву, уже вспаханную к середине XVI века польскими учеными и публицистами, а также Герберштейном и его последователями.

Именно с Ливонской войны идея об имманентной враждебности «азиатской страны» России цивилизованной Европе стала одной из главных апорий европейской исторической памяти¹¹².

---

¹¹² Речь идет об особенностях восприятия Европой России. Проблема того, насколько это восприятие Московии иноземцами соответствовало реалиям русской жизни, очень точно охарактеризована А. Миллером, который пишет о невозможности верификации западноевропейского нарратива, посвященного России: «Мы знаем, что они тенденциозны, знаем, что оптика наблюдателей во многом предопределена господствующими дискурсами. Но *степень и характер* тенденциозности, как правило, остаются невыясненными. Ведь в самом утверждении, что Восточная Европа была по сравнению с Западной более бедной, отсталой, если угодно – дикой, никакой тенденциозности еще нет... Сколько в каждом конкретном случае искреннего заблуждения, сколько сознательного изобретательства, сколько умолчания? Пока что у нас нет исследований, позволяющих ответить на эти вопросы» (Миллер А. [Предисловие] // Вульф Л. Указ. соч. С. 7–8).

Екатерина Болтунова Пространство власти: царский/императорский дискурс в топографии Москвы и Санкт-Петербурга конца XVII–XVIII столетия

За последние полтора-два десятилетия в российской историографии сложилась серьезная традиция исследований символической репрезентации власти¹¹³. Пространство

---

¹¹³ Начало изучению такого рода положили классические работы столь непохожих исследователей, как Ричард Уортман (*Wortman R. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. i: From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton, 1995* (русский перевод: 2002); *Idem. Moscow and St. Petersburg: the Problem of Political Center in Tsarist Russia, 1881–1914 // Rites of Power: Symbolism, Ritual and Politics Since the Middle Ages / Ed. by Sean Wilentz. Philadelphia, 1985. P. 244–271*; *Уортман Р. Символы империи: экзотические народы в церемонии коронации российских императоров // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей / Под ред. И. Герасимова, С. Глебова, А. Каплуновского, М. Могильнер, А. Семенова. Казань, 2004. С. 409–426*; *Wortman R. Theatricality, Myth, and Authority // Russian Review. 1991. Vol. 50. № 1. P. 48–52*; *Idem. Rule by Sentiment: Alexander II's Journeys through the Russian Empire // The American Historical Review. 1990. Vol. 95. № 3. P. 745–771*) и Борис Успенский (*Успенский Е.Л. Царь и Патриарх: харизма власти в России. М., 1998*; *Он же. Крестное знамение и сакральное пространство: Почему православные крестятся справа налево, а католики – слева направо? М., 2004*; *Он же. Обряд*

властных ритуалов и церемоний-репрезентаций в России стало территорией, активно исследуемой, открываемой и обживаемой, а вопросы изучения пространственных характеристик в историко-антропологических и историко-культурных исследованиях – все более актуальными. Среди наиболее значительных работ последних лет – труды Р. Краутхаймера о «политической топографии» трех христианских столиц (Рима, Константинополя, Милана)¹¹⁴, М. Флайера и Д. Роулэнд о семиотическом значении ряда зданий Московского Кремля¹¹⁵, А.В. Подосинова о системах ориентации по сторонам света в культурах Евразии¹¹⁶.

хождения на ослати в Вербное воскресенье и восприятие Московского Кремля как Нового Иерусалима // Международная юбилейная научная конференция, посвященная 200-летию музеев Московского Кремля (13–15 марта 2006 г.): Тезисы докладов. М., 2006. С. 90–91).

¹¹⁴ Краутхаймер Р. Три христианские столицы: топография и политика. М.; СПб., 2000.

¹¹⁵ Флайер М. К семиотическому анализу Золотой палаты Московского Кремля // Древнерусское искусство: Русское искусство позднего средневековья XVI в. СПб., 2003. С. 178–187; Flier M. The Throne of Monomakh: Ivan the Terrible and the Architectonics of Destiny // Architectures of Russian Identity. 1500 to Present / Ed. by James Cracraft and Daniel Rowland. Ithaca and London, 2003. P. 21–33; Роулэнд Д. Две культуры – один тронный зал // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья XVI в. СПб., 2003. С. 188–199; Rowland D. Architecture, Image and Ritual in the Throne Rooms of Muscovy, 1550–1650: A Preliminary Survey // Rude and Barbarous Kingdom Revisited. Essays in Russian History and Culture in Honor of Robert O. Crummey / Ed. by Chester S. L. Dunning, Russell E. Martin and Daniel Rowland. Bloomington, 2008. P. 53–71.

¹¹⁶ Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999; Он же. Символы четырех евангелистов: их проис-

Манифестация священного характера Московского царства, связанная с храмовым пространством, нашла в последнее время свое отражение в работах целого ряда историков и искусствоведов¹¹⁷. Можно констатировать, что в настоящее время именно с этих позиций начинается изучение светского пространства Москвы, значимого для сакрально-символического ритуала, хотя пока эти исследования ведутся на ограниченном круге конкретных материалов¹¹⁸. Что касается работ, посвященных более позднему, имперскому периоду и – в этом контексте – топографии Санкт-Петербурга, можно указать на монографии и статьи Г.З. Каганова¹¹⁹, Д. Швидковского¹²⁰, Д. Крейкрафта¹²¹, Л. Хьюз¹²², П. Бушковича¹²³ и

хождение и значение. М., 2000.

¹¹⁷ *Баталов А.Л., Беляев Л.А.* Сакральная топография средневекового города // Известия Института христианской культуры средневековья. Т. 1. М., 1998. С. 13–22; *Баталов А.Л.* О традиции строительства храмов в Московской Руси XVI в. // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья XVI века. СПб., 2003. С. 38–49; Иерусалим в русской культуре / Сост. А.Л. Баталов, А.М. Лидов. М., 1994; *Бусева-Давыдова И.Л.* Храмы московского Кремля. Святыни древности. М., 1997.

¹¹⁸ См. статьи в коллективных монографиях и сборниках работ: Царские и императорские дворцы: Старая Москва. М., 1997; Большой Кремлевский дворец. М., 1994; Московский Кремль. М., 2002.

¹¹⁹ *Каганов Г.З.* Санкт-Петербург: образы пространства. М., 1995; *Он же.* Тело государыни как фактор истории и культуры (Императрица Елизавета Петровна и строительство Петербурга) // Россия / Russia. 1999. Вып. 3: Культурные практики в идеологической перспективе.

¹²⁰ *Shvidkovsky D.* Catherine the Great's Field of Dreams: Architecture and Landscape in the Russian Enlightenment // Architectures of Russian Identity. P. 51–65; *Idem.* A Grandmother's Garden for the Heir of the Throne // Garden History.

ряда других¹²⁴.

Наличие исследований такого рода позволяет поставить вопрос о существовании и функционировании не просто «культурно-политических центров» или «праздничных мест города», а топографических зон, задействованных в реализации царского и впоследствии имперского дискурса. Очевидно, что попытка осмысления самой идеи пространства власти может быть осуществлена лишь в рамках концептуального исследования. На русском материале этого можно достигнуть при комплексном изучении форм репрезентации царской и императорской власти в связи с разного рода пространственными характеристиками и визуальными проявлениями феномена «царя/императора».

1996. Vol. 24. № 1. P. 107–113; *Idem*. Russian Architecture and the West. Yale, 2007.

¹²¹ *Cracraft J.* The Petrine Revolution in Russian Architecture. Chicago and London, 1988; *Idem*. St. Petersburg. The Russian Cosmopolis // Russia Engages the World, 1453–1825 / Ed. by Cynthia Hyla Whittaker. Cambridge, London, 2003. P. 25–48.

¹²² *Hughes L.* “Nothing Is Too Small for a Great Man”: Peter the Great’s Little Houses and the Creation of Some Petrine Myths // The Slavonic and East European Review. 2003. Vol. 81. № 4. P. 634–665.

¹²³ *Bushkovich P.* The Roman Empire in the Era of Peter the Great // Rude and Barbarous Kingdom Revisited. P. 155–172.

¹²⁴ См., например: *Stites R.* Cultural Capital and Cultural Heritage: St. Petersburg and the Arts of Imperial Russia // Preserving Petersburg. History, Memory, Nostalgia / Ed. by Helena Goscilo and Stephen M. Norris. Bloomington, 2008. P. 182–196; *Buckler J.A.* Mapping St. Petersburg. Imperial Text and Cityshape. Princeton, 2005; *Ruble B.A.* From Palace Square to Moscow Square: St. Petersburg’s Century-Long Retreat from Public Space // Reshaping Russian Architecture. Western Technology, Utopian Dreams / Ed. by William C. Brumfield. Cambridge, 1990. P. 10–42.

Чрезвычайно интересным материалом в данном случае оказывается пространство двух столиц – Москвы и Санкт-Петербурга, а наиболее показательным в хронологическом отношении периодом – конец XVII–XVIII веков. Такое сочетание позволит определить характер пространственной репрезентации власти на двух уровнях – традиционном (ориентированном на церковную культуру) и имперском (апеллирующем преимущественно к европейским образцам). Последнее, в свою очередь, даст возможность охарактеризовать изменения, произошедшие при переходе от Московской Руси XV–XVII веков к имперской России «петербургского периода» и выявить наличие общих черт, сохранившихся в топографическом контексте русской культуры, несмотря на различные исторических условий и политических влияний.

Очевидно, что комплекс «царских» (императорских) мест, имеющих непосредственное значение для изучения подобного рода, более чем значителен. К числу таких сооружений можно отнести большую часть зданий Московского Кремля (Теремной дворец, Грановитая палата, Кремлевский дворец императрицы Елизаветы Петровны, Большой Кремлевский дворец, включая его неосуществленные проекты, здание приказов и иные административные сооружения, соборы, связанные с феноменом «царской власти») и сооружения, репрезентирующие царскую власть в Санкт-Петербурге (императорские дворцы, Петропавловская крепость и собор, административные здания, некрополь Александро-Нев-

ской лавры и др.), а также загородные резиденции Москвы и Санкт-Петербурга (Преображенское, Лефортово, Измайлово, Коломенское, Петергоф, Стрельна, Царское Село, Ораниенбаум, Павловск, Гатчина и др.).

Вместе с тем столь масштабная задача не может быть решена в объеме статьи, поэтому в данном тексте речь пойдет лишь о наиболее значимых для пространства власти объектах – представительских помещениях или тронных залах и, несколько шире, о дворцовых комплексах обеих столиц.

На протяжении XVII века число тронных залов было довольно значительным, при этом представительские помещения находились как в столице, так и в загородных резиденциях (Коломенское, Измайлово). В Московском Кремле царские места имелись в целом в светских зданиях, а именно в Столовой избе Набережных палат, Средней Золотой палате, Теремном дворце и Грановитой палате¹²⁵. К концу века, однако, Грановитая палата (1487–1491, М. Фрязин и П.А. Солари), являвшаяся некогда частью дворца Ивана III, но представлявшая собой теперь отдельно стоящее здание, обращенное восточным фасадом к Соборной площади Московского Кремля, приобрела несомненный приоритет (ил. 1).

---

¹²⁵ Флайер М. К семиотическому анализу Золотой палаты Московского Кремля. С. 178–187; Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведется...». М., 1988. С. 98–99.

Иллюстрация 1. Грановитая палата (1487–1481, арх. М. Фрязин и П.

А. Солари)

Иллюстрация 2. Главный зал Грановитой палаты с центральным столбом, поддерживающим крестовые своды

Расположенный здесь монарший трон был не столько трон-креслом, сколько (как и в других случаях) особым образом оформленным царским местом, состоявшим из помоста в 3–6 ступеней, трона-кресла и, возможно, балдахина¹²⁶. При

¹²⁶ Иностранцы, побывавшие на царских аудиенциях этого периода, указывали на отсутствие балдахина (*Лизек А. Посольство Баттони от австрийского императора Леопольда к царю Алексею Михайловичу в 1675 г. // Отечественные записки. 1828. Ч. 35. С. 285*). Судя по современной реконструкции, он отсутствовал и в Престольной палате Теремного дворца в Московском Кремле. Вместе с тем достоверно утверждать об отсутствии традиции подобного рода не следует. Воз-

этом расположение конструкции такого рода было межколонным и угловым, то есть вынесенным в сторону от центра. Последний, в свою очередь, был занят массивным столпом, поддерживающим крестовые своды палаты (ил. 2)¹²⁷. Л.А. Юзефович полагает, что такое расположение трона восходило к византийской традиции и, возможно, было подсказано Ивану III кем-либо из окружения Софьи Палеолог¹²⁸.

Вероятно, расположение трона в Грановитой палате всегда имело серьезную семантическую нагрузку. Однако здесь мы постараемся реконструировать составляющие, актуальные в конце XVII века, то есть в допетровский период.

Прежде всего, следует отметить то, что угловое расположение трона в Грановитой палате, не являвшееся само

можно, функцию балдахина могли выполнять навершия самих тронных кресел. С начала XVIII в. балдахин вошел в число основных символов верховной власти и активно использовался во время коронаций, посольских аудиенций, свадеб или похорон кого-либо из членов династии (см., например: Точное известие о... крепости и городе Санкт-Петербург, о крепостце Кроншлот и их окрестностях // Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 73; Краткое описание города Петербурга и пребывания в нем польского посольства в 1720 г. // Там же. С. 157; *Дэшвуд Ф.* Дневник пребывания в Санкт-Петербурге в 1733 г. // Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: Тексты, комментарии. СПб., 1997. С. 67).

¹²⁷ Существует предположение, что организованное подобным образом пространство торжественных дворцовых палат происходит от одностолпных палат на хорах Софийских соборов XI в. (*Кочет А.И.* Древнерусское зодчество X – начала XII в. М., 1987. С. 216). Непосредственным же образцом для Грановитой палаты, возможно, послужила Палата Владычного двора в Новгороде (*Насибова А.* Грановитая палата Московского Кремля. Л., 1978).

¹²⁸ *Юзефович Л.А.* Указ. соч. С. 98.

по себе исключительным для размещения царских тронов в Московском царстве¹²⁹, но казавшееся столь удивительным и непривычным иностранным послам, имеет особое значение для изучения всего комплекса представлений о власти того времени. Дело в том, что царское место располагалось у восточной стены палаты, ближе к юго-восточному углу. Последнее совпадает с расположением так называемого красного угла, то есть наиболее почетного места в русском традиционном жилище, где находились иконы и часто стол, отождествлявшиеся с алтарем православного храма и церковным престолом соответственно. Подобная трактовка, скорее всего, усиливалась появлением в этой части зала собственно икон. Именно так Грановитая плата представлена на миниатюре из «Книги об избрании на царство великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича» (1672) (ил. 3)¹³⁰

---

¹²⁹ В Золотой палате и Столовой избе Московского Кремля царский трон также располагался в углу (Там же. С. 98).

¹³⁰ В Столовой избе Набережных палат над царским тронном также висела икона Богородицы (Там же).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.